# Ликвидатор. Темный пульсар

**Автор:**
Александр Пономарев

Ликвидатор. Темный пульсар

Александр Леонидович Пономарев

Апокалипсис-СТЛиквидатор #2

Сталкер Сергей Роднопольский не зря носит прозвище Колдун. Он чувствует и понимает Зону как никто другой и может запросто пообщаться с пси-мутантом, не боясь превратиться в зомби. Его жизнь – череда из сафари для богатых иностранцев, сопровождения исследовательских отрядов и счастливых возвращений домой к любимой жене. Сплошная идиллия, да и только. Однако любой сказке рано или поздно приходит конец. Новое задание запускает цепь случайных на первый взгляд событий, из-за которых жизнь сталкера рушится как карточный домик. Судьба бросила ему вызов. Теперь ход за Колдуном…

Александр Пономарев

Ликвидатор. Темный пульсар

© А. Пономарев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1. Последняя экскурсия

Зона – это особый мир. Здесь мало кто может похвастаться долголетием: аномалии, мутанты, выбросы, жадные до чужого хабара бандиты – все так и норовят отобрать жизнь у бедняги сталкера. Я сопротивлялся как мог целых пять лет. По местным меркам я был почти Мафусаилом. Дольше меня отравленные земли топтали лишь легендарные личности вроде Болотного Лекаря, Краплёного, Семецкого (хотя последнего к долгожителям можно отнести с большой натяжкой) и других знаменитостей из этого списка.

Без ложной скромности скажу: кое-кто из молодняка и меня уже вписал в легендариум Зоны. Бывало, встретишь бродяг на радиоактивных просторах, сядешь с ними у огонька, излишки радионуклидов из организма водкой выведешь, поговоришь за жизнь, а потом такое о себе узнаешь, что хоть стой, хоть падай. В лицо-то Колдуна – то есть меня – мало кто из новичков знал, так что немудрено было ребятам рассказать очередную байку, не подозревая, что герой их историй сидит рядом. Судя по этим россказням, я мог быть невидимкой, способен был передвигаться с немыслимой скоростью, мутантов давил голыми руками, фанатиков одним лишь взглядом пачками к Тёмному Сталкеру отправлял, да еще и редчайшие артефакты гроздьями из аномалий вытаскивал. Ну прямо-таки супермен недоделанный (или переделанный, разве этих сказочников поймёшь).

Конечно, дыма без огня не бывает. Я и в самом деле мог натравить мутняков друг на друга или на расстоянии убить человека, не пользуясь оружием, но старался не злоупотреблять полученными в дар от отца способностями[1 - См. роман «Ликвидатор».]. Играл в благородство, так сказать. Да только вот Зона не любит романтиков-идеалистов, в два счёта пускает их на мясо или превращает в зомби.

В Зоне действует только один закон – закон силы. Тут или ты убиваешь, или убивают тебя, другого не дано. И если сразу не смог дать достойный отпор, значит, ты – слабое звено, фундамент пищевой цепочки. А раз так, то не удивляйся, что возомнившие себя хищниками ублюдки устроили на тебя охоту.

Если бы я утром, у железнодорожной насыпи, врезал мародёрам как следует, вместо того, чтобы пострелять для острастки, укладывая пули в насыпь над их головами, то сдал бы моих «пассажиров» коменданту лагеря вовремя.

Сам виноват, нечего было с мародёрами нюни разводить. К этим отморозкам вообще нельзя по-человечески относиться, они ведь хуже мутантов: те хоть убивают, когда жрать хотят, а эти – ради удовольствия. У них нет ничего святого: они раненого добьют, лишь бы поживиться содержимым его рюкзака, пусть даже это будет просто рваная и тощая заплечная котомка.

А пощадил бандитов я не просто так. Около года назад я заметил, что каждый раз, когда мне приходилось убивать другого человека – пусть даже человек этот был мразью, какой ещё свет не видывал, – во мне происходили изменения. Я становился чуть более жестоким, чуть более холодным и отчуждённым. Появились страшные головные боли, ощущение присутствия чего-то чужеродного в организме. Или кого-то. Поначалу я принял это за неизбежную в таких случаях деформацию психики, но растущий с каждой отнятой мной жизнью радиус действия моих ментальных способностей подтолкнул к мысли о необратимой мутации. (Вот откуда появилось то ощущение чужеродного присутствия внутри меня.) Так что я ввёл для себя табу на убийства и старался прибегать к столь радикальному методу решения проблем только в крайних случаях. Ведь я вовсе не хотел лишиться всего, что имел: жены, ещё не родившегося сына (Настя была не в курсе, что я знал о её беременности) и любимой работы. Да, как бы странно это ни звучало, но мне нравилось топтать Зону вместе с туристами, военными или учёными.

Не получив сразу по соплям, бандиты осмелели и двинулись следом за нами, как только прошла у них медвежья болезнь после моей предупредительной стрельбы. Любой другой на их месте давно бы уже понял, что имеет дело с профи, решившим по каким-то лишь ему одному известным причинам пощадить противников, и не стал бы испытывать судьбу. Но мародёры приняли моё предупреждение за слабость и решили схарчить меня вместе с туристами – когда ещё такой жирный куш достанется: семь богатых иностранцев и упакованный по последнему слову Зоны проводник.

Живыми бандитам мы были не нужны. Мародёры просто хотели загнать нас в тупик, обобрать до нитки, а потом пристрелить или отправить на все четыре стороны на прокорм мутантам. Ну а костюмчики наши, оружие и добытый нами во время экскурсии хабар продать подпольному барыге. Кстати, артефактов у нас было довольно много: с пяток «пушинок», столько же «горгон», две «зарницы» и «окорок». Не редкие приблуды, конечно, много денег за них не возьмёшь, так ведь у туристов и не было такой цели. Они просто собирали дары Зоны, чтобы похвастаться потом перед друзьями весомыми доказательствами

своих приключений, а не только фотографиями убитых мутантов.

Впрочем, бандиты были бы рады и этому шлаку – какие-никакие, а деньги. Кроме того, сущность у них, у мародёров, такая. Они же, как гиены, подбирают всё, до чего могут дотянуться, и не брезгуют даже убитым в хлам оружием. Ну а что? И среди отбросов общества встречаются умельцы из тех, что могут из двух-трёх экземпляров неликвида собрать один вполне рабочий образец.

Знавал я одного такого самоделкина. Его вообще-то Толиком звали, но в Зоне прилипло к нему прозвище Сифон за неизлечимую страсть к жидкому антираду. Золотые руки у парня были, из любого дерьма он мог изюминку сделать, да только водка его погубила. Как-то подрядился он собрать для банды отморозков семь рабочих автоматов Калашникова из притащенного заказчиками ружейного металлолома. Братки дали Сифону на всё про всё неделю, аванс заплатили, он и ушёл на радостях в запой на шесть дней. А когда просох, ещё день ему понадобился, чтобы тремор унять: не слушались его руки, тряслись так, словно к ним электроды с током подвели.

В понедельник утром сел Сифон за работу, водки для придания остроты зрению хлебнул, расстелил на рабочем столе замызганную тряпицу и только на ней притащенный бандитами хлам разложил, чтобы его, значит, на запчасти разобрать, как вдруг заказчики за обещанными автоматами прибыли. Увидели барахло своё на столе в неизменном виде, запах перегара от помятого Сифона учуяли, психанули, да и вышибли умельцу мозги из «макарова». Говорят, братки в тот день стрелку с другой бандой забили и в автоматах как в воздухе нуждались. Вот и не выдержали, когда их надежды чёрным пеплом рассыпались. А ещё говорят, что убийцы Сифона ненадолго свою жертву пережили: замочили их хлопцы из враждующей группировки, всех до одного на той стрелке в бандитский рай отправили.

Я вскинул руку со сжатой в кулак ладонью. Туристы замерли, боясь пошевелиться. Опалённая физиономия одного из них и обожжённая кислотными выделениями «жгучего пуха» другого служили наглядным примером того, чем может кончиться невыполнение моих команд. Я распрямил ладонь и дал знак пригнуться. Иностранцы послушно выполнили немой приказ и тотчас исчезли в одеяле тумана. Я же, напротив, выпрямился, стараясь вытянуться как можно выше. Белёсая мгла превращалась в лёгкую дымку на высоте примерно двух метров, и я надеялся разглядеть силуэты преследователей. (По правде сказать, мне не очень-то верилось, что шакалы рискнули лезть в болота, но я должен был

убедиться, что за нами никто не идёт.)

Прибегать к ментальному сканированию пространства я не спешил. Да, благодаря этой способности я заработал славу одного из лучших проводников в Зоне, а заодно и кругленькую сумму, лежавшую на банковском счёте в одной из комфортных для проживания цивилизованного человека стран. Заработал на таких вот сафари-экскурсиях и экспедициях с военными и учёными: от желающих прогуляться в Зону у меня отбоя не было. Но я старался по минимуму пользоваться исключительными особенностями моего изменённого папашей мозга и предпочитал опираться на полученные с помощью обычных человеческих чувств данные. Ну и не пренебрегал так называемой сталкерской чуйкой. Вот уж с чем-чем, а с ней у меня был полный порядок: моего запаса интуиции с лихвой хватило бы на целую роту сталкеров.

Не решаясь включать КПК, чтобы не светиться на экранах возможных преследователей, я медленно поводил головой из стороны в сторону, прислушиваясь, приглядываясь и принюхиваясь. Где-то на востоке протяжно ухнула потревоженная трясина, тихо лопнули поднявшиеся со дна болотные пузыри, наполняя воздух сероводородным смрадом. Видимо, там под толщей гнилой воды заворочалось болотное чудище: от долгого и неподвижного ожидания жертвы тело твари затекло, вот она и решила размять косточки. Гораздо западнее лёжки неведомого мутанта раздавались звуки жестокой битвы: грозный рык и пронзительные вопли, иногда переходящие то в вой, то в визг, – видимо, там сошлись в смертельном бою сушильщики и «слепыши».

Я постоял ещё с полминуты, фильтруя долетающие со всех сторон звуки. Больше всего я опасался услышать приглушённый лязг железа, шорох одежды и тихие всплески болотной жижи под ногами преследователей. Но, слава Зоне, нам всё-таки удалось оторваться. Видимо, бандиты решили, что с нами покончено, и отправились искать другую добычу.

Я мысленно поблагодарил Тёмного Сталкера. Вздумай мародёры сунуться за нами в болота, неизвестно, чем бы всё кончилось.

Я присел на корточки, с головой погрузившись в пахнущую болотной гнилью мглу. В полуметре от меня маячила цепочка темных теней, постепенно тающая в тумане. Ближайшая ко мне тень шевельнулась. Из молочной пелены проступила будто вырезанная из камня физиономия Сандерса – одного из моих туристов и по совместительству переводчика.

– Всё в порядке, оторвались. Скоро выберемся из болота. К вечеру будем в лагере, обещаю, – прошептал я и махнул рукой: дескать, топай за мной.

Американец кивнул и по цепочке передал мой приказ.

Я осторожно зашагал вперёд, стараясь производить как можно меньше шума. «Кто его знает, – рассуждал я, – вдруг рядом лежбище мутантов, берег-то совсем близко. Вон уж и «берцы» не так в трясине вязнут, чувствуется, как подошвы упираются в твёрдый грунт».

За спиной раздавалось хлюпанье, тихое бряцанье железа, да изредка из уст измученных «пассажиров» вырывались приглушённые стоны. «Сильно вымотались туристы, ничего не скажешь, – подумал я. – Ну так никто их сюда силком не тянул, сами хотели на мутантов поохотиться и Зону потоптать. Большие деньги за это сафари заплатили, а раз так, извольте получать удовольствие на всю катушку. Зато будет что у себя в Америке рассказать».

Наконец болото закончилось. Под ногами больше не хлюпало, и дорога медленно пошла в гору. Туман тоже начал понемногу рассеиваться и растаял совсем, когда я выбрался из заболоченной котловины на вершину холма. Всё ещё соблюдая осторожность, я знаками подозвал туристов к себе.

Пока растянувшаяся в длинную цепочку группа подтягивалась ко мне, я посмотрел на болото. Ватное одеяло тумана медленно колыхалось, словно под ним ворочался некто очень большой. Гнилые останки древесных стволов тянули чёрные кривые ветви к свинцовому небу, будто моля его о пощаде.

Вдруг раздался глухой удар. Одно из мёртвых деревьев с противным скрипом завалилось набок и с громким всплеском рухнуло в болото. На месте падения в молочно-белой перине образовалась большая дыра. Длинные спиральные завитки призрачных протуберанцев тотчас начали закрывать прореху. Они почти преуспели в этом. В тот краткий миг, пока ещё оставался просвет в густой мгле, из чёрной, как нефть, воды показалась огромная, покрытая уродливыми наростами, голова. Она глянула на меня большим круглым глазом, распахнула зубастую пасть. С протяжным стоном, больше похожим на рёв кита, чудовище плеснуло широким раздвоенным хвостом и скрылось в маслянистой жиже, показав изуродованный шрамами спинной плавник. Спустя мгновение прореха окончательно затянулась, туманный покров успокоился, и больше ничто не

указывало на недавнее происшествие.

Я включил мини-комп. На экране сразу отобразились метки моей группы, и мелодично запиликал зуммер, оповещая о новых сообщениях. «Ничего себе! Во Прусак даёт: то от него и строчки за месяц не дождёшься, а то шесть писем за один день настучал. Волнуется мужик, каждый час спрашивает, куда мы запропастились, грозится поисковую группу снарядить, если в ближайшее время от нас не будет ответа. Что ж, всё верно, я б на его месте тоже на сироп изошёл, ведь он, Прусак, головой за этих туристов отвечает. Да и нехилый скандал международного уровня может разгореться, если с иностранцами что-то плохое произойдёт», – размышлял я, пролистывая сообщения.

Я наскоро набрал ответ: мол, всё у нас хорошо, из графика выбились по уважительной причине, подробности доложу лично, – и уже хотел отправить, как вдруг передумал и добавил несколько строк: «Писать не надо, КПК выключу, чтобы не светиться. Колдун».

После подтверждения отправки КПК коротко свистнул – и сообщение улетело в сталкерскую сеть.

– Отдохнули? – спросил я у притихших туристов, удерживая кнопку выключения палма.

Американцы понуро сидели на траве, не балагурили, как обычно это делали на каждом привале. Видимо, путь через болото оказался для них серьёзным испытанием, гораздо более тяжёлым, чем охота на мутантов: после сафари в Туманной долине подсумки моих подопечных оттягивали трофеи в виде щупалец сушильщиков, хвостов волкособак и целой кучи мутохрячьих копыт.

– Да, мистер Колдун, – ответил за всех Сандерс.

– Ну, тогда встали и пошли. Первым Сандерс, замыкающим Тэйлор. Курс – вон на то дерево. – Я натянул обшлаг рукава на экран ПДА, подождал, пока Сандерс закончит переводить, бросил камешек в направлении хилого деревца и двинулся следом за «отмычкой».

## Глава 2. Лагерь

Через три часа наш маленький отряд уже подходил к воротам лагеря. Ребята на сторожевых вышках увидели нас ещё до того, как мы вышли к воротам: дорога спускалась с пригорка и хорошо просматривалась даже сквозь ряд не в меру разросшихся вдоль шоссе деревьев. Охранники с грохотом опустили подъёмный мост. С отвратительным скрежетом был вынут тяжёлый засов из проушин, и, с не менее жутким скрипом, распахнуты похожие на детскую аппликацию полотнища железных ворот.

Тяжёлые подошвы наших ботинок вразнобой застучали по толстым плахам моста.

Едва я пересёк условную линию между дозорными вышками, через перила одной из них перегнулся молодой сталкер с белёсым пушком над верхней губой и бездонными синими глазами на любопытном лице.

– Здорово, Колдун! Что-то припоздал ты немного. Никак, случилось чего?

– И тебе не хворать, – проигнорировал я вопрос Сыча.

Возле ворот стоял рослый парень в камуфляже и с «калашом» наперевес. Я пожал крепкую, в мозолях, руку бойца. Синяя бандана, эмблема с солнцем по центру и двумя белыми птицами по бокам ясно говорили о клановой принадлежности сталкера. В нашем лагере можно было встретить представителей любых кланов, кроме разве что «Монумента». Даже непримиримые противники из «Борга» и «Воли» на время забывали о вражде и вполне мирно сосуществовали не только в границах охраняемой территории, но и за её пределами в радиусе километра. Потом они могли хоть горло перегрызть друг другу, но в зоне прицельной стрельбы наших снайперов всем сталкерам настоятельно рекомендовалось сохранять полный нейтралитет. Особо забывчивым об этом регулярно напоминали установленные на вышках хрипящие громкоговорители.

– Так что случилось-то, Колдун? – снова спросил Сыч.

– Ничего не случилось. Просто туристам захотелось подольше погулять, вот я и решил продлить экскурсию.

– А чего Степаныча не предупредил? Мужик весь день себе места найти не может, хотел уже поисковую группу за вами посылать. Это ж иностранцы…

– Слышь, тебя зачем сюда поставили? – Прищурив один глаз, я поднял голову и посмотрел на разговорчивого сталкера.

– Так, это, за подходами к лагерю следить, территорию охранять, – захлопал белёсыми ресницами Сыч.

– Ну так и следи себе. Мал ещё к взрослым дядям приставать.

Парнишка что-то пробурчал в ответ и сердито заскрипел половицами настила верхотуры.

– Как дела, Кот? – поинтересовался я у «яснонебовца», краем глаза следя за туристами: чувствуя себя в безопасности, они заметно приободрились и стали снова вести себя довольно развязно.

– Нормально, сегодня вот последнюю вахту отстою и рвану к своим, – пробасил Котяра, вытаскивая из кармана мятую пачку сигарет.

Он подцепил зубами кончик фильтра, достал сигарету, похлопал по карманам. Я дал ему свою зажигалку и, пока Кот прикуривал, наблюдал за тем, как подоспевший к туристам заместитель коменданта поочерёдно пожал каждому гостю руку, а потом всех повёл в «Касту». Там их должны были накормить, напоить, дать немного отдохнуть, после чего отправить на блокпост к военным, а оттуда экскурсантов обычно забирали вертолётом на Большую землю.

Туристический бизнес кормил не только меня. По сути, весь лагерь жил за счёт богатых любителей адреналина. Одни им впаривали артефакты за сумасшедшие деньги – хотя, что для иностранца две сотни паршивых баксов? – другие обыгрывали буржуев в карты и перепродавали потом выигранное имущество, третьи, как я, например, водили их на экскурсии. Ну а Бобр, нынешний хозяин «Касты», вообще поднялся до невиданных высот, продавая интуристам своё

пойло по драконовским ценам.

На соседней вышке раздался громкий щелчок, зашипела магнитофонная плёнка, и старый громкоговоритель захрипел голосом Прусака: «Сталкеры! Лагерь «Светлый» – территория мира и покоя! Здесь вы всегда можете обменять добытые артефакты на пищу и кров по приемлемым ценам!..»

Рупор на вышке продолжал хрипеть, призывая сталкеров не пользоваться оружием и в меру сил участвовать в делах лагеря. Старожилы не обращали на слова коменданта никакого внимания, зато новички прислушивались, останавливаясь и приподнимая головы.

Я попрощался с Котом и двинулся к зданию администрации, чтобы доложить Прусаку о завершении экскурсии и в двух словах рассказать о мародёрах и пути через болота. «Хотя в двух словах, наверное, не получится, – подумал я. – Комендант – мужик дотошный, начнёт расспрашивать, что да как, и ещё, небось, потребует, чтобы я рапорт ему прямо в кабинете написал. А я так хочу поскорее оказаться дома, обнять Настёну, уткнуться носом в её пахнущие травами волосы и стоять так, пока она не хлопнет меня ладошками по спине: мол, хватит обниматься, иди, мой руки и садись за стол. Развел Прусак бюрократию, понимаешь, шагу без бумажки сделать нельзя».

Я так разозлился, что чуть не сплюнул в сердцах под ноги, но быстро взял себя в руки: не пристало свинячить в месте, куда столько труда вложено. Я грустно усмехнулся, вспоминая, сколько понадобилось сил, чтобы поднять это место из руин. Атака мутантов и долгие месяцы власти Чахлого превратили некогда благоустроенную базу сталкеров в настоящую клоаку. После того, как мы выбили бандитов с захваченных ими позиций, а я отомстил Чахлому за убийство Копчёного и Арамиса, пришлось надолго засучить рукава и буквально заново строить жилые дома и общественные помещения. Зато уже через три месяца лагерь было не узнать. Он стал ещё более укреплённым и превратился в небольшую крепость с усеянным острыми кольями глубоким защитным рвом по всему периметру. Дополнительную защиту давали две оборонительные линии из трёх рядов спирали Бруно: одна перед рвом, другая за ним, почти вплотную к трёхметровому забору, по верху которого тоже протянули «колючку».

Помнится, когда ров выкопали, долго думали, стоит ли его заполнять водой. Даже проводили общее голосование по этому вопросу и вроде как решили залить до краёв. Потом всё-таки передумали, поскольку в любом водоёме Зоны

рано или поздно заводятся похожие на гигантских пиявок мутанты. А зачем нам эти твари под боком? Поэтому следующие две недели ушли на то, чтобы вырубить соседнюю рощицу, заострить подготовленные колья и под разными углами вкопать в землю.

С тех пор лагерь несколько раз выдерживал атаки мутантов. Дальше рва никто из тварей не проходил. Только два месяца назад, когда особо мощный выброс спровоцировал невиданный по силе и численности монстров гон, одному из большеногов удалось по тушам своих сородичей добраться до второй линии спирали Бруно. Так и то его Дрозд из «эрпэгэшки» завалил, не дал в заборе дыру сделать. Как шмальнул мутанту в лоб с соседней вышки, так я думал, взрывной волной заграждение на хрен снесёт. Но нет, ничего, выдержало укрепление. Зато большеногу мало не показалось: расплескало его взрывом по городам и весям. Я наутро его опорную ногу за пятьдесят метров от забора нашёл.

Прусак обосновался в том же кабинете, где когда-то руководил жизнью лагеря Михалыч. Здесь уже ничего не напоминало о трагической гибели старого хозяина: кровь со стен и пола давным-давно смыли, выбитые стёкла заменили новыми.

В трёх километрах от лагеря находилось неплохо сохранившееся трёхэтажное здание колхозной управы. Там даже стёкла почти все уцелели, но, правда, поросли густым слоем грязи и пыли. Оттуда мы эти стёкла и притащили на своём горбу, как, впрочем, и рамы, и двери, и половицы.

Поднявшись по скрипучей лестнице на второй этаж, я стукнул кулаком в дверь с табличкой «Комендант» и, не дожидаясь разрешения, вошёл в кабинет. Прусак сидел за столом и что-то записывал в большую тетрадь, склонив голову набок и покусывая длинный рыжий ус. Именно длина и цвет усов обусловили прозвище главы лагеря, а не место рождения (отец Степаныча служил в Германии, там женился и сына на свет произвёл), как всем говорил сам комендант.

– Здрав будь, Прусак! Опять бумаги мараешь? – Я подошёл к окну, сел на приставленный к стене стул и вытянул гудящие от усталости ноги. – Ты чего волну погнал? Шесть сообщений за один день! Да мне Настюха за всю нашу совместную жизнь меньше писем написала, чем ты сегодня накропал. За туристов испугался, что ли? Так они же со мной, чего за них переживать?

Степаныч чуть поднял голову, бросил на меня косой взгляд и снова принялся строчить что-то в тетради.

– Ладно, не хочешь говорить – не надо. Только я – лучший сталкер во всей округе…

– Вот именно! – прикрикнул Прусак и захлопнул тетрадь. – Ты лучший, Колдун, и молодняк это знает. Они копируют тебя во всём, а ты ведёшь себя как последний раздолбай! Да что я тебе говорю. – Он махнул рукой, вытащил из ящика стола пачку сигарет. – Нельзя так себя вести, нельзя! Понимаешь?! Сегодня ты КПК выключил на несколько часов подряд, а завтра Калан или ещё какая-нибудь школота необстрелянная, подражая тебе, возьмут и вырубят его на хрен! Это ты у нас, как заговорённый, между аномалий без сканеров ходить можешь, а они ж в первую попавшуюся ловушку с ходу вляпаются.

Комендант сердито замолчал, сунул сигарету в рот, нервно прикурил от самодельной зажигалки и бросил пачку обратно в ящик.

Я, признаться, опешил от такой проповеди. Ожидал, конечно, что Прусак будет мне шею мылить за интуристов, а он, оказывается, из-за салаг так переживал. Ну, так-то всё логично: это поначалу они молодняк, а спустя какое-то время сумевшие выжить и натасканные ветеранами салабоны становятся зубастыми профи. А чем больше профессионалов в лагере, тем лучше для всех его обитателей. По закону поселения любой сталкер обязан был платить в общак или вносить любой другой вклад в развитие лагеря. Само собой, опытному сталкеру легче денежку отстегнуть, потратить личное время не на общественно полезный труд, как Кот или тот же Сыч, к примеру, а на добычу редких, а значит, дорогих артефактов. В свою очередь общак расходовался на благоустройство и оборону лагеря. Так что выгодная сделка получалась: заплатил небольшой налог – и наслаждайся всеми благами в относительной безопасности. Почему относительной? Да потому, что нет в Зоне таких мест, где тебе ничего не угрожало бы.

– Да ладно тебе, Прусак, что ты завёлся-то, в самом деле? – сказал я самым миролюбивым тоном. – У меня уважительная причина была: нам мародёры на хвост сели. Ну, я и вырубил КПК. И туристам своим велел, чтобы оторваться от бандитов, значит.

– Почти полдня отрывался, да? – буркнул комендант, выпуская в потолок струю сизого дыма.

– Ну да, через болота уходил…

Я рассказал Прусаку, как всё было, не скрывая деталей и ничего не приукрашивая.

– Ладно, так и быть, на этот раз прощаю. – Степаныч раздавил окурок в пепельнице, помахал рукой перед собой, разгоняя дым. – Но смотри у меня, – он погрозил пальцем, – чтоб больше такого не было. Час, другой – это я понимаю, все сталкеры таким приёмом пользуются, но восемь часов подряд… Ты бы хоть иногда включался, чтобы я тут на ушах не стоял. Иностранцы ж всё-таки. Завтра рапорт напишешь, а сейчас иди к Насте, она, поди, совсем уж тебя заждалась.

О том, как Настёна меня ждала, я понял ещё за два дома от нашего гнёздышка: в воздухе витал аромат жареных пирогов с яйцом и капустой – деликатеса по местным меркам. У меня аж слюнки потекли, едва я этот запах учуял. «Наверняка заранее Бобру заказ сделала: у него связи есть с людьми за периметром, любую снедь привезут, хоть устриц с осьминогами, знай только деньги плати. Интересно, что ей от меня нужно? – заинтригованно подумал я. – Вряд ли она просто так решила пироги испечь. Знает, чертовка, что я люблю, и всегда умело этим пользуется».

Настя увидела меня в окно и вышла встречать на крыльцо. В коротком платье цветочной расцветки и красных туфлях на высоком каблуке (мои подарки на её дни рождения) она выглядела на все триста процентов. Проходивший мимо сталкер с эмблемой «Воли» на рукаве не удержался и одобрительно присвистнул. Настёна кокетливо улыбнулась ему и повернулась ко мне.

– Здравствуй, милый. – Она привстала на носочки, обхватила руками меня за шею и жарко поцеловала в губы. – У-у, какой колючий, как еж.

Я провёл рукой по своей щеке. Жесткие волоски щетины захрустели под пальцами.

– Сама знаешь, бриться в ходке – дурная примета.

Я сграбастал Настю в объятья, зарылся в её пахнущие летом шелковистые волосы, нащупал губами нежную мочку уха и слегка прикусил.

– Да уж знаю, сама не раз с тобой ходила. – Она шутливо хлопнула меня по спине. – Ну всё, хватит, хорош кусаться, говорю. Пошли в дом, нечего честных людей смущать.

Пока я с ней миловался на крыльце, возле дома собралась порядочная толпа сталкеров. Парни шли по своим делам, но остановились, чтобы поглазеть на такое чудо: нечасто в Зоне увидишь настоящую красавицу в платье и туфельках (обычно моя жена ходила по лагерю в комбинезоне).

– Так, иди переоденься и быстренько побрейся, – распорядилась Настя, едва за нами захлопнулась дверь. – Негоже в грязной одежде за праздничным столом сидеть.

«Ух ты! По какому поводу праздник, милая? – думал я. – Неужели решилась новость о наследнике преподнести? Что ж, начало неплохое, посмотрим, что ещё ты для меня приготовила».

Сменить экипировку я был не против: от комбеза несло болотной грязью и тиной. А вот бриться я пока не хотел: голодный желудок урчал, как трактор, и я всерьёз опасался, что этот рокот услышат на улице.

– Неплохо бы сначала перекусить, а уж потом заниматься мыльно-рыльными делами, – крикнул я из комнаты, переодеваясь.

– Ничего не знаю. Пока не побреешься – за стол не сядешь.

– Ишь ты, командирша какая. Не боишься? Меня всё-таки не зря Колдуном зовут, могу чего-нибудь и наколдовать.

– Не боюсь! – Настя вошла в комнату. – Ты Колдун, а я ведьма. Наложу на пирожки проклятье, и улетят они к другим сталкерам на столы, а ты голодным останешься.

– Серьёзный аргумент. – Я щёлкнул застёжками «бури», подошёл к любимой и наклонился, чтобы поцеловать.

Настя накрыла мои губы ладошкой:

– Пока не побреешься – никаких поцелуев.

Я изобразил грустного пёсика: низко опустил голову, поднял глаза к потолку и вытянул сложенные бантиком губы – осталось только просительно заскулить и потрясти перед собой прижатыми друг к другу ладонями.

Настя весело засмеялась, игриво шлёпнула меня по руке:

– Ну хватит, нечего на меня давить. Марш в ванную!

Через несколько минут я, вкусно пахнущий самодельным мылом на травах, с лысой, как бильярдный шар, нижней частью лица, появился на кухне. Стол ломился от обилия праздничной снеди. Здесь было всё, о чём может мечтать вернувшийся из ходки сталкер, и даже больше. Центральное место, естественно, занимала запотевшая бутыль с мутным содержимым. Чуть в стороне от неё стояла бутылка красного вина для Насти.

– Как тебе это удалось? – я взглядом показал на посудину с самогоном. – Бобр первачом на вынос не торгует, он и в баре-то его наливает не всем.

– Я ж тебе говорила, что я ведьма, – сказала с улыбкой коварной обольстительницы Настёна. – Поколдовала немного, морок напустила, вот Бобрик и сдался. С вами, мужчинами, этот фокус легко проходит, вы же все очень слабые существа.

– Хочешь сказать, твой муж – тоже слабак? – Я поджал губы и чуть наморщил лоб, приподняв правую бровь.

– Да, милый, – притворно вздохнула чертовка. – Все вы из одного теста слеплены.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, потом я привлёк Настёну к себе и поцеловал.

– Садись за стол, сталкер, пока пирожки не остыли, а самогон не нагрелся, – сказала она, переведя дыхание после долгого поцелуя.

Я не заставил себя упрашивать дважды – желудок уже не просто урчал, а выдавал настоящую симфонию. Первым делом я откупорил бутылку «Мерло», наполнил бокал Насти более чем наполовину, потом зубами вырвал пробку из стеклянного «снаряда» и набулькал себе практически полный стакан пахнущего травами первача. В это время моя половинка раскладывала по тарелкам салат и холодные закуски. Когда всё было готово, я подал Насте её бокал, взял свой стакан в руки.

– С годовщиной тебя, милый! – Настя дзынькнула краем бокала по ободу гранёной посуды. – Четыре года – как один день! – Моя жена пригубила вино и села за стол.

Я остолбенел. «Ну и болван! Как я мог забыть о дне нашей свадьбы? Ну да, это трудно назвать настоящим бракосочетанием. Не было торжественной церемонии и пышного застолья с доброй сотней гостей. Прусак просто объявил нас мужем и женой, сделал соответствующую запись в своей тетради, а потом мы тесным кружком посидели в восстановленной к тому времени «Касте». Вывели излишки радиации водкой, закусили недавно подстреленным мутохряком, Бобр ещё за мой счёт угостил всех, кто был тогда в баре, – вот и весь банкет по случаю особого дня. Но всё равно это не даёт мне право забывать о том, что так важно для Насти. Она вон как старалась, наготовила всего, Бобра уломала первак на сторону продать, а я ей никакого подарка не приготовил. Мог ведь с тем же Бобром договориться, чтобы с Большой земли цветы привезли, конфеты там, ну или духи какие. Или Семакина попросить прибор какой-нибудь для домашних дел сварганить».

– Милый, с тобой всё хорошо? Стоишь как истукан, не ешь, не пьёшь ничего, – встревожилась Настя.

– Всё нормально, – нарочито бодро ответил я. – Просто здесь столько всего, что у меня глаза разбегаются.

Я залпом хлопнул самогон (крепкий, зараза, аж слёзы выступили из глаз, и дыханье перехватило), сел за стол и навалился на еду. Когда первый голод был утолён, налил себе ещё белёсой жидкости на треть стакана, добавил Насте вина. Она смотрела на меня влюблёнными глазами, на щеках её играл слабый румянец, чуть приоткрытые губы влажно блестели. Я буквально кожей чувствовал, как ждёт Настёна ответного подарка, и еле сдерживается, чтобы не спросить, где же он.

Я выпил ещё для храбрости, вытер губы тыльной стороной ладони, кашлянул в кулак и хрипло заговорил:

– Сегодня важный день…

И тут, видимо, Тёмный Сталкер сжалился надо мной: в дверь громко постучали.

– Извини, я сейчас. – Настя выскользнула из-за стола, лёгким шагом отправилась в прихожую, откуда вскоре донесся звук отпираемого замка. Я же выдохнул, мысленно поблагодарил духа Зоны и принялся лихорадочно соображать, как выкрутиться из сложившейся ситуации.

Погружённый в собственные мысли, я не сразу услышал знакомые голоса и увидел гостей, лишь когда по плечу мне ударила чья-то крепкая рука.

– Здорово, Колдун! – Бульбаш буквально вытащил меня из-за стола и сграбастал в свои объятья, хлопая по моей спине.

За ним маячила высокая фигура чернявого грузина. Гиви, как обычно, скалился во все тридцать два зуба, сверкая жгучими глазами из-под густых бровей. Наконец белорус отпустил меня, пригладил спускающиеся к подбородку усы и звонко хлопнул в ладоши:

– Ну и вкуснотища! Расстаралась хозяюшка, сразу видно: любит своего обалдуя, – ишь, стол какой забабахала. Ого! Да тут даже Бобровое чудо есть!

Пока Бульбаш рассыпался в любезностях, Гиви пожал мне руку, пожелал долгих лет счастливой семейной жизни и сел за стол, слева от белоруса. Настя сразу принялась ухаживать за гостями, а я всё стоял столбом и глупо лыбился, глядя

на друзей.

Бульбаш с Гиви – единственные, кто остался из старой гвардии. Эти двое всё бросили и вернулись в лагерь сразу, как только узнали о моих с Байкером приключениях. В то время мы ещё восстанавливали «Светлый» после атаки мутантов и разгромной деятельности Чахлого, так что нам дополнительные руки были как раз кстати. Друзья активно включились в работу и помогли не только поднять сталкерскую деревню из руин, но и сделать её одним из самых известных и популярных среди бродяг всех мастей местом. А потом, когда моя персона начала обрастать легендами и зарабатывать славу лучшего проводника Зоны, они без лишних слов согласились тянуть со мной нелёгкую лямку экскурсовода.

– Эй, дорогой, уснул, что ли? – громко сказал Гиви. – Зову тебя, зову, а ты не слышишь. Давай, бери стакан, тост говорить буду.

Гиви на самом деле произнёс тост. Причём сделал это в свойственной только ему манере: красиво и образно. Так могут только настоящие сыны гор. Мы выпили. Потом Бульбаш поздравил нас стихами собственного сочинения. В заключение оба товарища отстегнули от поясов малые контейнеры для артефактов. Гиви с широкой улыбкой положил на стол свою «переноску».

– Красивая женщина нуждается в красивых украшениях. Здесь, канэшна, нет золота и бриллиантов, это пусть муж тебе дарит, красавица. Ты же прими от меня рубиновые огни «ожерелья». Пусть оно оберегает тебя от всех бед и несчастий.

– А я, Колдун, подарю тебе «маяк», – сказал Бульбаш, придвигая ко мне свой контейнер. – Пусть он станет для тебя путеводной звездой и приведёт в счастливую семейную гавань какого-нибудь тропического острова.

– Спасибо, ребята, вы такие молодцы, – захлопала в ладоши Настя. – Мы так рады вас видеть! Правда, Колдун?

– Правда, – кивнул я. – В самом деле, парни, спасибо, что зашли, что подарки вот дарите и вообще…

– Слушайте, я так не могу, – поморщился Бульбаш. – Горечь ведь одна, ну! Гиви, ты-то чего молчишь? Или у тебя в стакане мёд налит?

– Точно! – спохватился Гиви. – Горько! Просто жуть как горько!

И они оба заорали:

– Горько! Горько!

Я переглянулся с Настей, она слегка зарделась и опустила глаза. Тем временем друзья продолжали драть глотки, рискуя оглушить не только себя, но и нас. Пришлось наклониться к жене и поцеловать, а потом ещё раз и ещё, поскольку гости не собирались умолкать. Лишь когда Настя пригрозила оставить их без десерта, сталкеры заткнулись и принялись с аппетитом уплетать угощение.

Когда все немного насытились, Бульбаш показал на стаканы:

– Налей-ка, брат, ещё Боброво чуда, да и Насте вина добавить не забудь.

– У меня есть, мне хватит, – отмахнулась та.

– Ничего не знаем, – встрял Гиви. – Праздник у нас или где?

– Точно, – поддержал его Бульбаш. – Ну а пока Колдун над стаканами колдует…

– Хех! – усмехнулся Гиви. – Опять каламбурами заговорил.

Бульбаш с довольным видом пригладил усы и продолжил:

– Я вам хочу загадку загадать, так сказать, для умственного развития.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Гиви. – Давай, я мигом её отгадаю.

Настя тоже проявила интерес, поставила локоток на стол, подпёрла подбородок ладошкой. Только я сидел молча, слушая вполуха и лихорадочно соображая, как выпутаться из аховой ситуации.

– Кто победит в схватке между гориллой и леопардом?

– Леопард, – сказал Гиви. – Он такой же сильный, смелый и красивый, как я. Он всех победит.

Бульбаш помотал головой.

– Горилла? – предположила Настя.

Снова отрицательный ответ.

– Тогда кто? – спросили они хором.

– Крокодил! – крикнул Бульбаш, хлопнул себя по колену и громко захохотал.

Настя тоже весело засмеялась, прикрывая рот ладошкой. А Гиви так возмутился, что даже вскочил со стула.

– Какой такой крокодил, э? О нём вообще речи в загадке не было. Мухлюешь, брат!

– Ничего я не мухлюю, – сказал белорус и снова захохотал. Вид расстроенного Гиви его очень забавлял. – В этом вся соль, дружище. Горилла где живёт?

– В Африке.

– А крокодил где? – продолжил пытать грузина Бульбаш.

– Тоже в Африке.

– Ну?!

– Что – ну?

– Баранки гну! Горилла с леопардом на берегу реки подрались и убили друг друга. Крокодил вылез на берег и сожрал обоих. Чего непонятного-то?

– Да ну тебя! – обиделся Гиви. – Какую-то фигню-мигню придумал, честным людям мозги запудрил и радуется.

– Да ладно тебе, брат! – Бульбаш хлопнул Гиви по спине. – Чего ты дуешься. Смотри, Колдун, вон, сидит и вообще ничего не понимает. – Он весело подмигнул мне. – Верно, Колдун?

– Ага! – кивнул я. – Вообще ничего не понимаю. Какие-то крокодилы, леопарды, гориллы – зоопарк, одним словом.

– И я о том! – опять начал Гиви. – Нормальные загадки надо людям загадывать, правильные. Ну, например, зимой и летом одним цветом; что общего между Эйфелевой башней и ножкой женщины? Ой! – Он прижал пальцы к губам: – Извини, Настя, не хотел тебя обидеть.

– На правду не обижаются, – улыбнулась Настя, взяла бокал. – Давайте выпьем за дружбу.

Мы все чокнулись, выпили, закусили. Поговорили о всяких пустяках. А потом как гром среди ясного неба прозвучал вопрос Бульбаша:

– Ну а ты что подарил супруге?

– А он пока ещё ничего не подарил, – сказала Настя.

Приятели уставились на меня, как на привидение. У Гиви бутылка чуть не выпала из рук (он в это время разливал самогон по стаканам), а у Бульбаша челюсть отвисла едва ли не до стола.

– Я как раз собирался, а тут вы пришли, перебили меня.

– Ну так давай, – сказал Бульбаш. – Сейчас тебе никто не мешает.

– Ага! – поддакнул Гиви и поставил бутыль на стол. – Не томи.

Я обвёл взглядом друзей, посмотрел в глаза Насте. Она ласково улыбалась, вся прямо-таки сияла в предвкушении подарка. Сердце громко бухало у меня в груди, руки заледенели, по спине побежала дорожка холодного пота. «Странные дела, – обреченно подумал я, – в Зоне так не волновался, как сейчас».

– У меня непростой подарок, – медленно начал я. – Он не материальный… его нельзя потрогать или надеть… – Глаза Насти медленно раскрывались от удивления, а лица друзей вытягивались, будто резиновые. – Ты очень любишь приключения… романтику… путешествия… – Слова тягучими каплями срывались с моего языка, я словно выдавливал их, пытаясь придумать, что же я хочу подарить. – Зная это, я приготовил… сюрприз… и… выполню любое твоё желание или просьбу, – выпалил я и перевёл дух.

## Глава 3. Новое задание

В наступившей тишине громко пропиликал КПК. Радуясь, что можно не смотреть в глаза жене, я поддёрнул рукав и вывел сообщение на экран. Это было письмо от Семакина. Он приглашал меня поучаствовать в экспедиции к давно заброшенным укреплениям первого периметра и предлагал мне самому набрать команду. Обязательным условием было наличие в этой команде двух его ассистентов.

– Я пойду с вами, – сказала Настя, когда я закончил вслух читать письмо профессора. – Давно хотела побывать в настоящей экспедиции, а не нянчиться с заграничными пузанами на прогулках. Спасибо за подарок, милый, он так кстати. – Она холодно улыбнулась и вышла из-за стола.

Естественно, ни о каком романтическом продолжении вечера после такого убойного косяка не могло быть и речи. Настя всё прекрасно поняла и ушла, чтобы не смущать слезами гостей. Гиви и Бульбаш просидели со мной ещё несколько часов, понемногу попивая самогон. При этом они устроили мне такой разнос, что я, и без того чувствовавший себя не лучшим образом, был готов провалиться сквозь землю. Но страшнее всего мне было предстать перед Настей. Поэтому, проводив за порог друзей и убрав со стола, я не пошёл в спальню, а устроился на старом диване в гостевой комнате.

Почти всю ночь я проворочался с боку на бок. Мысль о том, что я всё испортил, дятлом долбила мозг и не давала уснуть. В последнее время я всячески оберегал Настю от походов в глубь Зоны, специально подсовывал жене клиентов, для которых прогулка по предзонью – уже настоящий подвиг. А сегодня сам взял и всё испортил.

Единственным утешением была цель нового задания. «Заброшенные укрепления первого периметра – это всё-таки не сердцевина Зоны, тут и мутов поменьше и аномалии не так часто встречаются, – размышлял я. – Семакин не написал, зачем нас туда посылает, но, если я его правильно понял во время нашей последней встречи, в Зоне грядут большие перемены».

В тот раз подвыпивший профессор случайно проболтался, что ему с группой коллег удалось-таки найти способ не только остановить расширение владений Зоны, но и вернуть её в границы старого периметра. В перспективе учёные планировали уменьшить территорию заселенной аномалиями земли до размеров первоначальной зоны отчуждения ЧАЭС.

«Надеюсь, они обойдутся без ядерных бомб, – продолжал думать я. – А то ведь один весь из себя заслуженный-перезаслуженный академик на полном серьёзе не так давно предлагал сбросить на Саркофаг пару-тройку ядрёных штучек. Дескать, уничтожив источник выбросов, человечество если и не избавится полностью от Зоны, то хотя бы остановит её расползание. А ничего, что изначально Зона возникла в результате ядерной катастрофы? Бросать бомбы на Саркофаг – всё равно, что тушить костёр бензином».

Если б это сказал кто другой, я бы не поверил, но Семакину я доверял как самому себе. Да и не стал бы врать уважаемый человек, почётный профессор Национальной академии наук США, Лондонского королевского общества, Германской академии естествоиспытателей и прочих не менее важных собраний высоколобых мужей. А раз так, то нас ждало рядовое задание – на слабую троечку по пятибалльной шкале паршивости, не более.

«Военные тоже не дураки, знают, как ловить рыбу в мутной воде. Наверняка уже дали помощникам профа развёрнутые цэу: типа, никуда не суйтесь, на рожон не лезьте, сделайте фотографии пары-тройки развалюх с подходящих ракурсов и дайте заключение: всё под снос. В таком случае почему бы Насте с нами не прогуляться до старого периметра и обратно? И я вроде как подарок на годовщину сделаю, и она, особой опасности не подвергаясь, поучаствует в

экспедиции, сбросит излишнее недовольство. А то удумала в последнее время сцены устраивать: мол, я её на привязи держу и не даю насладиться коктейлем из крепких эмоций и адреналина».

На этой успокоительной ноте мои нравственные мучения закончились, и я, вконец измученный бессонницей, на несколько часов провалился в некое подобие сна.

Настойчивая вибрация палма на левом запястье вырвала меня из объятий Морфея. С трудом продрав глаза, я широко зевнул и глянул в окно. На улице царила унылая хмарь раннего утра. Голые ветки скребли по мокрому от недавнего дождя оконному стеклу, равно как и кошки в моей душе. Я заворочался, скрипя пружинами продавленного дивана, сел, коснулся босыми ногами холодного пола. Из спальни доносилось размеренное сопение. Настя ещё спала. «Ну и хорошо, – подумал я. – Мне и так сейчас хреново, не хватало ещё снова увидеть немой укор в её глазах. Вчерашнего вечера по самую макушку хватило».

Я наскоро натянул комбинезон, сунул ноги в «берцы». Стараясь не стучать тяжёлыми подошвами по полу, прошёл на кухню, где выхлебал почти половину банки огуречного рассола. «Вот ведь чудеса: вчера и выпили-то всего ничего (что такое литр на трёх здоровых мужиков?), а сегодня себя как с глубокого перепою чувствую. Не иначе это проявление ночных угрызений совести. Ладно, сейчас схожу в «Касту», решу кое-какие дела, заодно и здоровье слегка поправлю».

Несмотря на раннее утро, жизнь в лагере кипела вовсю: сталкеры, как и рыбаки, предпочитают засветло отправляться за уловом. Одетые в камуфляж люди, кто по одному, а кто и небольшими группками, тянулись к воротам и сквозь открытую в правой створке калитку просачивались наружу.

Часовые на сторожевых вышках внимательно вглядывались в серую хмарь редеющего тумана и прислушивались к низкому рычанию и пронзительному визгу, долетающим со стороны скрытой за разросшимися тополями дороги. Судя по всему, там устроила междоусобную разборку стая «слепышей»: может, не могли поделить труп другого мутняка, а может, кобели сцепились из-за суки. В последние год-два все твари Зоны как с ума посходили: только и делали, что размножались. «Борговцы» даже с другими кланами и военсталами несколько раз объединялись, чтобы хоть как-то сократить численность не в меру

расплодившихся мутантов.

По пути в бар я обменялся приветствиями со старыми приятелями, с которыми ходил как-то в Озёрск. Ох и славная драка была тогда, а сколько хабара принесли оттуда… м-мм. Я, помнится, с вырученных денег новый комбинезон купил с отличной радиационной защитой и хорошей пулестойкостью: очередь из МП-5, почти выпущенную в упор, комбез сдержал как не фиг делать, только вмятины на нём да синяки на теле остались.

Он мне долго верой и правдой служил, пока Семакин не подогнал спецкостюм из своих закромов. Отменная вещь! В течение трёх минут без особых проблем держит температуру до трёхсот градусов и электроразряды до десяти тысяч вольт, имеет высокую стойкость к воздействию различных кислот и превосходно защищает от радиации даже в эпицентре радиоактивного заражения, а ещё снабжён сервоприводами, как экзоскелет. Встроенные аккумуляторы невелики по размерам, но обладают большой ёмкостью и подзаряжаются от генератора кинетической энергии. Этакий «вечный двигатель»: идёшь – и сам себя электричеством обеспечиваешь, причём в таких количествах, что хватает не только на костюм, но и на питание пушки Гаусса в доработке Семакина: скорострельность, как у «калаша», ёмкость магазина шестьдесят патронов, прицельная дальность боя два километра, с одного выстрела любую броню насквозь прошибает – одним словом, мечта, а не оружие! Тяжёлая, правда, пушка эта, и энергии жрёт много, без спецкостюма просто груда металлолома, не более того. Зато обе вещи в комплекте из любого задохлика ходячий танк сделают. Я в этой экипировке в такие места совался, куда даже дирижёр мертвунов не гонял по причине запредельной радиации и большого количества аномалий химической природы.

Я как-то спросил профессора, из какого материала комбез сделан и что за примочки использовались при модернизации пушки Гаусса. Так он толком ничего не сказал, сослался на военную тайну. Поведал лишь, что в процессе создания чудо-экипировки применил кое-какие артефакты. Пытался я из него выудить, что за арты, куда и с какой целью встроены, надо их со временем заменять или нет, да где там: легче статую Будды разговорить, чем Семакина. Так и бросил я эту затею, но на всякий случай решил попусту костюм не таскать – а ну как на самом деле у него ограниченный ресурс. Уникальные вещи лучше использовать для решения действительно сложных задач, а просто по Зоне шастать я и в старом комбинезоне мог.

А вообще, с учёными дружить – выгодное дело. Особенно с такими, как Семакин. Судьба свела меня с ним в самом начале моей сталкерской карьеры. Я тогда был совсем зелёным, как и сам Андрей, впрочем. Он в то время носил звание кандидата физико-математических наук и работал над докторской с очень длинным и запутанным названием. Если вкратце, то суть его работы сводилась к изучению гравитационных аномалий и порождаемых ими артефактов, конечной целью являлось создание портативного антиграва.

Как-то потребовалось ему для своей диссертации провести кое-какие исследования в Ржавом лесу. С руководством лаборатории согласовать эти работы не удалось (на тот момент у научников кончились выделенные на год лимиты), и Андрей решил договориться со сталкерами. Своих сбережений у Семакина почти не было. Никто из бродяг не соглашался вести доцента к лесу, тащить часть его громоздкого оборудования на своём горбу и охранять учёного от нападок мутантов, коих там пруд пруди, пока он ставит научные эксперименты. Кому охота рисковать жизнью за копейки? Обычная прогулка недалеко от периметра и то сулила больше барыша, нежели мог предложить Семакин: обыкновенная «горгона» стоила в два раза больше, а этого шлака в предзонье всегда было в достатке.

Я в те славные дни как раз активно осваивал полученные в дар от отца способности, проверял себя на прочность и пытался нащупать предел своих возможностей. А как это сделать, если не ввязываться во всякие авантюры? Правильно, никак. Вот я и согласился провести доцента. Плату с него не взял, да там и брать-то было нечего: они же все чокнутые эти учёные – работают за идею, а не за деньги. Мне его копеек даже на потраченные в ходке патроны не хватило бы. Напротив, я ему ещё отстегнул от своего вознаграждения за три «золотушки» и один «фуфырь» (удачная ходка была, артефакты сами в руки так и прыгали).

Андрей долго отказывался, но я всё-таки убедил его взять деньги. Столько лет прошло, а помню всё, как будто это было вчера. Слегка покачиваясь от принятого внутрь прозрачного, мы стояли тогда на крыльце бара, втягивая в себя влажный после недавнего дождя воздух. С крыши ещё капало в разлившуюся возле крыльца большую лужу. Воодушевлённый успехом удачной экспедиции, захмелевший доцент заплетающимся языком расписывал мне достоинства ещё не изобретённого им прибора:

– Представьте себе, Колдун, возвращаетесь вы из ходки…

– Ты! – я ткнул его пальцем в грудь.

– Что – я? – уставился на меня осоловелыми глазами Семакин. – Что-то не так?

Я мотнул головой, обхватил его шею ладонью и дыхнул перегаром в лицо:

– Мы же договорились ещё там, в лесу: тебе надо говорить мне «ты». Понял? (Семакин кивнул.) Вот и молодец. Давай, продолжай, что ты там плёл насчёт ходки.

– Ну вот, возвращаетесь вы… ты из похода с тяжеленным рюкзаком за спиной, подходишь к торговцу и выкладываешь перед ним артефакты, найденное в Зоне исправное оружие и ненужные тебе патроны. Гора на прилавке всё растёт и растёт, а ты всё продолжаешь вынимать хабар из рюкзака. И знаешь почему? Да потому, что у тебя на поясе висит придуманный мной портативный генератор антигравитационного поля. Я его называю антиграв. Ты будешь первым, у кого он появится.

Я поджал губы, обдумывая его слова, а потом вынул из нагрудного кармана сложенную пополам толстую стопку красных десятирублёвок:

– Держи, наука!

Семакин помотал головой, отступив на шаг назад.

– Я не возьму, – сказал он заплетающимся языком. – Зачем вы… ты это делаешь?

– Затем, что так надо. – Я сунул деньги за отворот рыжего комбинезона ученого. – Бери-бери, на свои опыты потратишь. Считай, что это плата за мой экземпляр этого, как его, антиграва.

Судя по всему, у Семакина с созданием портативного прибора ничего не вышло. Но он, видимо, всё-таки изобрёл некую хрень в этом роде, раз защитил докторскую, заслужил гордое звание профессора и стал заведующим целой лабораторией.

Так что если судьба вас когда-нибудь приведёт в Зону, всегда помогайте учёным. Они люди благодарные, в долгу не останутся. Тот же Семакин – тому пример: он не только сторицей вернул подаренные ему деньги, но и снабдил меня всякими полезными вещицами вроде спецкостюма и модернизированной пушки Гаусса. Да и работать с ним – одно удовольствие, потому и брался я без лишних слов за его халтурки.

В «Касте» было так же оживлённо, как и на улице. Видимо, не я один хотел подлечиться, а заодно и прикупить провизию или боеприпасы в дорогу. Приглушённый гул голосов тонул где-то под закопчённым потолком в облаках табачного дыма. Два потолочных вентилятора лениво молотили лопастями, медленно перемешивая слои сизого тумана. Привычно пахло пивной кислятиной, квашеной капустой и пережаренной картошкой. Из засиженных мухами динамиков тихо лилась ненавязчивая музыка. Помощник бармена, угрюмый рябой сталкер с деревянным протезом вместо правой ноги (говорили, бедолага угодил ею в ямку со «студнем») негромко стучал донышками поднятых из подвала бутылок, расставляя их по нестроганым полкам бара. Сам Бобр кемарил, сидя по ту сторону барной стойки. Время от времени он приоткрывал один глаз, обводил мутным взором посетителей и снова впадал в состояние расслабленной дрёмы.

Я несколько секунд постоял на пороге, привыкая к царившей в «Касте» полутьме. Увидел стоящих за высоким столиком приятелей, кивнул им и направился к бару.

– Здорово, Бобр, давно не виделись! – Я хлопнул ладонью по исцарапанной столешнице барной стойки.

Бармен вскинул голову, уставился на меня вялым взглядом. Давно подмечено: в Зоне просто так прозвища не дают. Нынешнего хозяина «Касты» прозвали Бобром за одутловатое книзу лицо, торчащие над нижней губой передние зубы и чуть скошенные к переносице, близко посаженные глаза.

– А-а, это ты, Колдун, – протянул Бобр, громко зевая. – Выпить зашёл или по делу?

– И то и другое. Ты от Семакина заказ получил?

– Дык вчера ещё. Всё уже скомпоновано, в подсобке лежит. Проверять щас будешь или потом?

– Потом, сперва пивком горло промочу.

Бобр криво усмехнулся:

– Что, первачок слишком крепким оказался? Твои дружки, вон, по второй уже заказали, с утра отпаиваться пришли. – Бармен вдруг наклонился ко мне и прошептал: – А может, тебе в стаканчик водки плеснуть или настоечки клюквенной? Мне ягодки лично от Болотного Лекаря передали. Он их не сам, конечно, собирал, зомби его трудились, дык ведь ты сталкер не брезгливый, не то что салабоны необстрелянные. Это те носы свои воротят, как только о делянках Лекаря услышат и о его работничках.

Я покачал головой: дескать, спасибо, не хочу.

– Зря отказываешься, – продолжил Бобр жарким шёпотом. – Я ж не за деньги тебе предлагаю, бесплатно. Ты личность, можно сказать, легендарная, на тебя почти все салаги как на бога смотрят. Если ты сейчас стакан-другой «клюковки» хряпнешь, так и они, глядишь, тоже заказывать начнут.

Я снова помотал головой: пиво ещё куда ни шло, перед ходкой привести себя в чувство – в самый раз, а вот пить перед вылазкой водку или настоянный на клюкве ядрёный самогон – это уже перебор. В Зоне всегда должны быть трезвая голова и твёрдые руки, пьяному там делать нечего – мигом в краю Вечных Теней окажешься.

– Значит, не будешь? – не то спросил, не то констатировал Бобр и грустно вздохнул: – А я думал, ты мне поможешь. Реклама мне нужна, понимаешь? А то я наделал настойки целую флягу, а товар не идёт. Пропадёт же впустую. Жалко.

– Хошь дам совет? – спросил я, на что бармен с готовностью кивнул. – Не говори никому, что настойка на клюкве Лекаря сделана. Скажи, что ягоды с Большой земли привезли… или нет, лучше скажи, что тебе с очередной контрабандой доставили флягу с украденным с Киевского ликёроводочного пойлом. Сам не заметишь, как быстро настойку разберут, ещё и добавки попросят привезти.

– Думаешь? – недоверчиво глянул на меня Бобр.

– Уверен на все сто. Вели Колченогому пива к третьему столику принести. Бесплатно! Советы тоже денег стоят.

Бармен покосился недовольно, но ничего не сказал: жажда наживы с продажи самодельной выпивки оказалась сильнее желания срубить с меня несколько монет.

– Колченогий! – крикнул он помощнику. (Тот уже закончил расставлять бутылки и теперь вытирал руки о замызганный передник.) – Кружку пива к третьему столику и поживее!

Я направился к Гиви и Бульбашу. Приятели маленькими глотками потягивали пиво и о чём-то негромко разговаривали. Наверное, обсуждали маршрут предстоящего задания.

Возле столика у дальней стены, спиной к шершавой кирпичной кладке, стоял сталкер в натовском камуфляже. Рядом отирался тип в чёрном кожаном плаще. Они о чём-то шептались, наклонившись к столешнице. Парня в камуфляже я узнал сразу, хотя тень от низко надвинутой на глаза военной панамы скрывала почти половину его вытянутого смуглого лица с широким приплюснутым носом и вывернутыми наружу губами. В ответ на мой приветственный кивок мулат скривился, будто надкусил лимон, презрительно сплюнул на пол и демонстративно отвернулся к собеседнику, которого я видел впервые.

Когда-то Мул состоял в клане «Воля» и был на хорошем счету у Запорожца, лидера группировки. Можно сказать, состоял при нём заместителем. Примерно в то же время, как я появился в Зоне, Мул где-то раздобыл карту раскиданных по всей Зоне схронов «Борга». Дело обещало быть выгодным: подобные склады не охранялись, поскольку были прекрасно замаскированы, а точные координаты нычек знали лишь командиры ведущих квадов. Поговаривали, конечно, что подступы к хранилищам заминированы сигнальными минами, но при должной аккуратности и сноровке эти системы предупреждения, пусть и с трудом, можно было преодолеть.

Мул несколько раз пытался уговорить Запорожца захватить несколько складов враждующего с «Волей» клана. Возможно, у парня так ничего бы и не вышло, но

масштабная операция украинских военных в сотрудничестве с миротворцами ООН нанесла весомый ущерб запасам группировки. После недолгих раздумий Запорожец согласился совершить набег на засекреченные хранилища соперников.

Согласись главарь на уговоры заместителя до атаки вояк, то, возможно, у «Воли» что-то и выгорело бы, а так дело закончилось очередной кровавой бойней. До сих пор неизвестно, почему рядом с теми складами оказался большой отряд «Борга». Может, действительно правы те, кто говорит, что «борговцам» удалось внедрить своего человека в ближнее окружение лидера «Воли», и «крот» слил информацию о готовящемся набеге. Как бы то ни было, после провала операции и гибели в перестрелке с «Боргом» Запорожца власть в «Воле» захватил Гризли. Он давно враждовал с Мулом и ждал подходящего момента, чтобы свести счёты с упрямым мулатом. Когда изрядно поредевший отряд вернулся на базу, Гризли обвинил своего соперника в провале операции и дал тому час на то, чтобы навсегда убраться из лагеря. В противном случае парня ждал расстрел.

Мул ушёл из «Воли» и несколько месяцев промышлял сбором хабара и выполнением мелких поручений торговцев. Потом ему это надоело, он решил заняться промыслом проводника и неплохо преуспел в этом деле. Особенно помогла ему подняться на ноги волна хлынувших за периметр богатых туристов. Так бы он и процветал, не взойди на небосклоне Зоны моя путеводная звезда.

Я не считал себя единственным мегакрутым сталкером в Зоне. Нет, конечно, здесь и без меня было полно отличных ребят (тот же Мул, например), способных провести желающих за приемлемую цену хоть к самому Тёмному Сталкеру в гости и, что самое главное, вернуть обратно целыми и невредимыми. Но если верить цифрам, даже у самых классных проводников бывали осечки. Другими словами – неудачные ходки. У всех, кроме меня. За всё время моих вылазок в глубь Зоны, я ни разу не возвращался домой с пустыми руками и никогда не терял по дороге клиентов.

Пресыщенные жизнью и ищущие новых приключений богатеи, военные в полковничьих чинах и выше, вечно хмурые люди из серьёзных структур, маститые и не очень учёные – все они хотели заполучить меня или моих людей в свою команду и устраивали ради этого настоящие соревнования. Одни предлагали астрономические суммы в качестве гонорара, другие сулили наилучшее снаряжение, существующее чуть ли не в единственном варианте,

третьи обещали спокойную жизнь на собственном тропическом острове, когда я надумаю навсегда отойти от дел, а четвёртые устраивали научные дуэли. (Яйцеголовые – что с них возьмёшь? – они все не от мира сего.)

Так что, сами понимаете, дела у Мула с каждым днём шли всё хуже и хуже. Все денежные клиенты уходили ко мне, а ему доставались объедки с барского стола. Я предлагал ему работать под моим началом, но он – гордый такой – отказался, а потом вообще стал кривить морду и делать вид, что знать меня не знает. «Ну и нюхач с ним, своих проблем выше крыши, не хватало ещё на его выкрутасы внимание обращать», – подумал я.

– Ну что, с барменом договорился? – спросил Бульбаш, когда я пожал руку ему и Гиви.

– Угу! – кивнул я и посторонился, давая Колченогому поставить кружку с пивом на стол.

– График не изменился? Выходим, как и договаривались вчера, в девять? – поинтересовался Гиви.

Я промочил горло, в два глотка ополовинив кружку.

– Всё по плану, ребята, не беспокойтесь. Вы мне лучше скажите: оружие, снаряжение проверили? Боеприпасы в норме, не подведут?

Бульбаш потряс головой, допивая остатки янтарной жидкости, поставил пустую кружку на стол, вытер губы рукавом.

– Обижаешь. Что мы, салаги зелёные, что ли? Всё уже не один раз проверено, запасы в рюкзаки уложены, оружие вычищено, смазано и готово к стрельбе. Верно, Гиви?

Грузин кивнул.

– Вот и славно. Сейчас пойдём к Бобру в закрома, проверим, что он там для нас приготовил. Потом каждый возьмёт по тюку – и по домам. Встречаемся у выхода на шоссе, – я глянул на экран ПДА, – через два часа. И не опаздывать! Негоже

«пассажирам» с первого дня дурной пример показывать.

Бобр постарался на славу, собрал всё самое лучшее, что хранилось у него на складе: армейские сухпайки, банки с тушёнкой и «энергетиком», причём всё относительно свежее (год-два со дня производства, а не просрок, каким он обычно наполнял рюкзаки сталкеров); шесть сотен малокалиберной «пятёрки» для «Абакана» Бульбаша с подствольной артиллерией, ровно на половину меньше патронов калибра 7,62 для моего АК-103, тоже усиленного «костром», и столько же девятимиллиметровых «пилюль» для Гивиного «Вала», все «маслины» – в плотных картонных укупорках, словно их только что вынули из цинка; гранаты к подствольникам в общем количестве пятьдесят две штуки: сорок обычных и «прыгающих» ВОГ-25 (в пропорции три к одному) и дюжина светозвуковых ВГ-40СЗ.

Помимо прочего в собранных Бобром тюках нашлись новенькие противогазы с масками из пулестойкого стекла и комплекты штатовских портативных раций – тех самых, что любят американцы в фильмах показывать про свой хвалёный спецназ: с ларингофонами и динамиками-каплями на спиральном проводке.

«Всё-таки интересно, что бармену пообещал Семакин? – задумался я. – Это ведь не первая экспедиция по инициативе учёного, и бармен всякий раз из кожи вон лезет, чтобы снабдить нас по высшему разряду. Может, профессору посчастливилось создать философский камень в одной из своих подземных лабораторий, и теперь Семакин платит за это добро чистейшим золотом? Или Бобру доставляют товар вместе с разными реактивами, оборудованием и прочей нужной яйцеголовым фигнёй? Хм, а вот это больше похоже на правду. В Зону просто так ничего не провезёшь, а грузы с маркировкой «Для научных работ» прибывают сюда регулярно и досмотру не подлежат. Идеальное прикрытие для контрабанды. Впрочем, какая мне разница? Товар хороший, плачу за него не я, патронов и прочей байды с лихвой хватает на каждую экспедицию, ещё и остаётся. У меня дома уже целый склад боеприпасов из остатков от профессорских халтур образовался. А в Зоне, как и на войне, патронов много не бывает».

Я попрощался с барменом, ещё раз напомнил парням, чтобы не опаздывали, и двинул домой.

За время моего отсутствия Настя успела встать и привести себя в порядок. Она не то что не улыбнулась, увидев меня, а даже слова ласкового не сказала.

Я бросил тюк на диван. Консервы и прочие жестянки с провизией и напитками сразу переложил в рюкзак. Сверху на зелёный брезентовый бок положил противогаз и гарнитуру связи. Потом достал из металлического шкафчика автомат с запасными магазинами, положил на застеленный старыми газетами стол. Рядом высыпал боеприпасы из тюка, с треском порвал плотную бумагу укупорок и принялся набивать спаренные магазины патронами.

Руки механически делали привычную работу, а в голове всё крутились мысли о вчерашнем вечере: «Всё-таки непонятный народ эти женщины. Никогда не поймёшь, что им нужно. Я столько раз приносил Насте красивые артефакты, так она внимания на них не обращала, говорила, что я и есть самый лучший артефакт на земле. А вчера концерт из-за пустяка устроила. Подарок я ей, видишь ли, не приготовил. У нас, между прочим, конфетно-букетный период давно уже закончился. Да он, можно сказать, и не начинался: некогда здесь уси-пуси всякие разводить. Встретились, полюбили друг друга, поженились, а разными бла-бла-бла и ми-ми-ми пускай сопляки на Большой земле занимаются. Настоящие мужчины свою любовь делом доказывают, а не романтической чепухой. Небось, когда я её раненую на себе пять километров до лагеря тащил, она не сомневалась, что у меня есть к ней серьёзные чувства, так чего тогда вчера на меня взъелась? Подумаешь, о годовщине свадьбы забыл. Эка невидаль. Сталкеры такой ерундой голову не забивают… правда, и жён у сталкеров обычно нет. Ладно, может, я и не прав. Но и она тоже виновата. Зачем при всех-то на меня обиду изливать? Могла бы и наедине головомойку мне устроить. – Я почесал затылок, глядя на заполненные магазины и россыпь смятых в комки укупорок. – Пойти, что ли, извиниться? От Насти ведь не дождёшься, она гордая. Да и, если честно, это я накосячил. Внимательнее надо быть к своей женщине. Всё-таки, когда знаешь, что тебя любят и ждут, любые невзгоды переносятся гораздо легче. – Я хлопнул ладонью по столу: – Решено! Вот только закончу с подготовкой к экспедиции».

Я с щелчком вогнал магазин в окно ствольной коробки, проверил положение предохранителя. Встал, снял с вбитого в стену гвоздя разгрузочный жилет. Запихал в нагрудные карманы запасные магазины, потом рассовал по кармашкам гранаты для подствольника. Оставшиеся серебристые цилиндры ВОГов вложил в ячейки поясных подсумков. Я ещё раз внимательно осмотрел автомат, проверил застёжки и ремни разгрузки. Втянул воздух полной грудью,

задержал на несколько секунд, шумно выдохнул: «Пора. Решился извиняться – нечего тянуть».

– Настёна! – крикнул я, подойдя к двери. – Дай что-нибудь пожрать, а то у меня от голода кишки крутит. И, это, прости меня за вчерашнее.

«Знатно обиделась, раз до сих пор молчит, – удивился я. – Ладно, попробуем по-другому». Я вышел из комнаты, проследовал в спальню, потом заглянул на кухню. Насти нигде не было. Видимо, пока я готовился к предстоящей экспедиции, моя ненаглядная ускользнула из дома, не забыв прихватить с собой LR-300 с оптическим прицелом.

«Что ж, значит, так тому и быть, оставим выяснение отношений до следующего раза». Я накинул на плечи разгрузку, застегнул на поясе ремень с гранатными подсумками, взял автомат и потопал к месту встречи с «пассажирами». Костюм Семакина и модернизированную Гаусс-пушку я решил оставить в устроенном в подвале дома тайнике. «На кой ляд они нужны в районе первого периметра, – подумал я. – Вот если б мы шли к военным хранилищам, Разрушителю мозгов или на ЧАЭС, тогда понятно, там без них не обойтись. А шляться в таком снаряжении по первому уровню Зоны – всё равно, что на танке штурмовать полусгнивший деревянный сарай: понтов много – толку мало. Другими словами, неоправданные затраты для достижения текущей цели».

## Глава 4. «Пассажиры»

Вот что мне больше всего нравилось в друзьях, так это пунктуальность. Я ещё только выходил из ворот лагеря, а они уже стояли на обочине шоссе и о чём-то болтали с Настей.

От «Светлого» до серой ленты растрескавшейся дороги вела широкая пыльная тропа. С обеих сторон её ограждали разросшиеся кусты бузины и орешника, что делало единственный подход к сталкерскому поселению похожим на зелёный коридор. Стуча подошвами по утоптанной до состояния бетона земле, я быстро приближался к шоссе.

Пройдя большую часть пути, заметил в просвете между кустами оранжевые комбинезоны «пассажиров». Ассистенты профессора размашистым шагом топали к перекрёстку. В руках научники несли объёмные металлические чемоданчики, в которых яйцеголовые обычно переносят всякие реактивы и аппаратуру для своих исследований. Из оружия при учёных имелись только пистолеты в коричневых кобурах.

– Хоть бы «эмпэшками» вооружились, – буркнул я, невольно прибавляя шаг. Я встретил людей Семакина, глядя одним глазом на экран КПК. Как раз профессор прислал сообщение: мол, его помощники выдвинулись и в скором времени явятся к назначенному месту встречи. «Однако быстро они, – отметил я про себя. – Телепортировались, что ли? Да нет, скорее всего, светило науки опять заработался и настучал письмецо с опозданием в час или даже больше. Для него это в порядке вещей».

Ассистенты шли с поднятыми забралами шлемов, так что мы имели возможность разглядеть их лица во всей красе. Тот, что шёл ближе к обочине, на две головы возвышался над соседом. Приоткрытый рот длинного придавал его небритой физии слегка дебильное выражение. Телячий взгляд больших глаз усиливал ощущение неадекватности их обладателя, как и нечёсаная копна русых волос. Хотя, может, у парня просто насморк разыгрался, а причесаться как следует просто не успел, поскольку проспал, допоздна засидевшись в лаборатории. (В последние годы Зона активно менялась, появлялись не только неизвестные ранее науке мутанты, но и аномалии, и рождённые ими приблуды, так что у яйцеголовых работы было невпроворот.)

Его коллега внешне смотрелся не так придурковато: на вид – не больше сорока, тогда как его длинному напарнику я не дал бы и двадцати семи, каштанового цвета волосы аккуратно зачёсаны набок, подбородок и щёки гладко выбриты, нос прямой, сильно выступающий вперёд, глаза маленькие, холодные, губы – бледная плотно сжатая полоска. И никаких эмоций на лице, будто это и не человек был вовсе, а деревянная кукла. Зато защитный костюм сидел на нём как с иголочки: сразу видно было – педант.

– Поздравляю, господа учёные, вы умеете ценить время. Даже не опоздали, как это принято в ваших кругах. Давайте знакомиться. Меня зовут Колдун, справа от меня Гиви и Бульбаш. Думаю, кто из них кто – и так понятно.

Научники усмехнулись.

– Рядом с ними… Несси.

Настя уставилась на меня, хотела что-то сказать – наверное, решила возмутиться, – но я её опередил:

– Теперь ваша очередь.

Молодой ткнул себя в грудь:

– Косарев Сергей, а это, – он показал на соседа, – Деревянко Виталий.

Я мысленно усмехнулся: «Надо ж, как фамилия подошла человеку, прямо в точку».

– Первый раз в Зону идёте, до этого только в лабораториях сидели? – спросил я.

Ассистенты синхронно кивнули, словно специально репетировали.

– А как вы узнали? – Косарев сильнее приоткрыл рот и округлил глаза, отчего стал ещё больше похож на дебила.

– В Зоне ни у кого нет имён, только прозвища, а вы сразу сдали все явки и пароли. С этой минуты – никаких имён. – Я ткнул пальцем в грудь Сергея: – Ты – Косарь, а ты, – указующий перст переместился на второго, – Буратино.

– А почему это я Буратино? – возмущённо всплеснул руками Деревянко.

– Потому что я так сказал, – отрезал я и повернулся к нему спиной. – Ну что, двинули? Курс на два часа. Я иду первым, Несси за мной, новички следом за ней. Гиви замыкающий. После первого привала поменяешься местами с Бульбашем. Идти след в след, никуда с тропы не сходить. Салаги, это я вам говорю, – бросил я через плечо и первым пересёк шоссе.

От лагеря до старого периметра было километров пять по прямой. Для Большой земли это и не расстояние вовсе: час неспешной ходьбы – и ты у цели. Да только в Зоне никто напрямки не ходит, здесь самый близкий и безопасный путь – крюк

вёрст эдак в тридцать, а может, и больше, кому как повезёт. Потому и берут с собой сталкеры в каждую ходку не только патроны с медикаментами, но и запас провизии на день, а ещё лучше на два. Никогда не знаешь, какой стороной Зона к тебе повернётся, ведь она, как и любая женщина, впрочем, не отличается постоянством характера: вчера ты прошёл здесь без проблем, а завтра на безопасной ещё недавно тропе поселится целая россыпь смертельно опасных ловушек. И опять придётся топтать насыщенную радиоактивными изотопами землю в поисках нового пути, бросать маркеры в виде болтов, гаек или камешков, смотреть во все глаза, прислушиваться и принюхиваться.

Я хоть и видел явные и скрытые аномалии невооружённым глазом, а проверенными временем способами всё равно не пренебрегал. И дело тут было не столько в старой истине: доверяй, но проверяй, – сколько в том, чтобы не привлекать к своей персоне излишнего внимания. Как-то ещё в начале карьеры проводника я повёл группу, не пользуясь сканером и пробниками, так туристы меня чуть не замучили вопросами на первом же привале. Я тогда отбрехался: мол, там, где недавно прошли, аномалий было мало, их расположение мне хорошо знакомо, зато дальше начнутся более трудные места, и там, естественно, без помощи техники и маркеров не обойтись. С тех пор я всегда время от времени «прощупывал» дорогу камешками и бросал взгляд на экран ПДА, чтобы ведомые не беспокоились по пустякам.

Вот и в этот раз я с определённой периодичностью бросал маркеры, смотрел на прикреплённый к запястью гаджет, иногда замирал на месте и морщил лоб якобы в раздумьях о том, куда пойти, чтобы не напороться на деструктивы, как называл аномалии Семакин. В одной из своих монографий он использовал аббревиатуру ОДА, как сокращение от слов «очаг деструктивной активности». Эти три большие буквы не прижились в моём лексиконе: из-за созвучия с лирическим жанром не все сталкеры и «пассажиры» меня с первого раза понимали, – а вот термин «деструктив» пришёлся ко двору, дополняя набившие изрядную оскомину «ловушки» и «аномалии».

Я вёл отряд по заросшей кустарником и редкими сосенками холмистой равнине, держа курс на заросли Стива. Когда-то давным-давно, ещё до первой аварии, это был прекрасный яблоневый сад, но годы и радиация сильно изуродовали его. Некогда красивые яблони превратились в кривые деревья с покрытой рыжими пятнами лишайника морщинистой корой и корявыми ветвями на чёрных дуплистых стволах. Сад по-прежнему плодоносил, только плоды его теперь омерзительно пахли гнилью, сочились липкой тягучей слизью и вообще

выглядели так, словно уже месяц провалялись на помойке.

Своё название бывший сад получил благодаря поселившемуся в нём сушильщику-отшельнику. Мутанта прозвали Стивом за то, что он, как и покойный основатель известной на весь мир «яблочной» компании, предпочитал фрукты мясу. Поговаривали, что этот чернобыльский вампир был слишком стар для охоты на людей и других мутантов, поэтому поменял гастрономические пристрастия, чтобы попросту не умереть с голоду. Воочию его никто не видел, но мало кто сомневался в существовании сушильщика-вегетарианца. И дело тут было не в любви сталкеров к мифотворчеству. Я сам неоднократно слышал глухие протяжные вопли из глубины уродливых зарослей и находил разбросанные повсюду шкурки будто высосанных вакуумной присоской яблок.

Когда до изуродованного мутациями сада оставалась примерно сотня метров, я свернул влево и направился к высохшему озеру. (Из глубины чёрных зарослей донёсся протяжный вопль, а затем приглушённое бормотание, словно Стив сокрушался, что мы не заглянули к нему на огонёк.) По мере приближения к почти идеально круглой котловине в воздухе всё сильнее ощущался запах озона, и всё громче раздавался треск электрических разрядов. Много лет назад возникший на дне озера гигантский «разрядник», по всей видимости, и погубил водоём. Мощнейшие разряды тока продолжительное время воздействовали на воду, пока она вся не разложилась на составляющие её атомы кислорода и водорода. Теперь лишь замшелые камни вдоль береговой линии и засохшие скелеты тальника напоминали о том, что когда-то здесь было озеро.

Белые змеи трескучих молний так наэлектризовали воздух, что не только волосы на голове стояли дыбом, даже волоски на коже шевелились под плотной тканью комбинезона. КПК стал работать со сбоями, по экрану устройства побежала рябь помех, а картинка с изображением нужного участка карты прыгала и то и дело норовила погаснуть. Долго оставаться рядом с таким огромным деструктивом, как этот «разрядник», было опасно, потому я велел ведомым не отставать и ускорил шаг, даже не пытаясь разрядить аномалию и выудить из неё артефакты. Хотя тут было чем поживиться: ни мне, ни моим друзьям ещё ни разу не доводилось видеть такого количества весело подскакивающих светло-голубых, молочно-белых и дымчатых шаров внутри одного деструктива. Одних «зарниц» здесь была целая дюжина, а ещё – три сферы «лунного камня» и пара крупных «ледышек» – все как на подбор артефакты высокой ценовой группы. Вряд ли они просто так тут скопились: скорее всего, «разрядник» упорно не хотел делиться своими сокровищами, о чём свидетельствовали выбеленные временем и

осадками кости смельчаков как по периметру, так и внутри аномалии.

Я сбавил ход только тогда, когда витающее вокруг напряжение заметно спало, а треск электрических разрядов утих настолько, что стал напоминать шорох статических помех в старом радиоприёмнике. Держась правее холма с тремя рослыми дубами на вершине, наш отряд проследовал мимо россыпи слабеньких «гравиконцентратов», обогнул исходящую пузырями огромную, метров сорок в диаметре, лужу «шипучки» и вышел к краю широкого усеянного кочками жухлой травы поля. За ним располагалась заброшенная деревенька. Покосившиеся дома почти полностью скрывались в густом бурьяне, только серые треугольники шиферных крыш возвышались над морем шелестящих на ветру зарослей. От неё нам оставалось пройти ещё с километр по заросшей мелколесьем равнине, и первая часть экспедиции была бы позади.

– Всё, привал, – объявил я и сел на торчащий из земли большой камень. (Он почти весь зарос густым зелёным мхом, кроме покатой вершины, послужившей мне подобием табурета.) Не то чтобы я устал или другим людям из команды требовался отдых, просто это поле было донельзя нашпиговано опасными штуковинами, и я намеревался подготовиться к предстоящему испытанию.

– Как привал? – удивился Буратино. – Мы три часа назад вышли из лагеря. Если так дальше пойдёт, нам не успеть в срок, и нас с Сергеем…

– Косарём, – лениво поправил его Гиви.

– Ну да, конечно, Косарём, – кивнул Буратино. – Нас с ним лишат премии.

– Слышь, ты, угомонись, – скривился Бульбаш. – Тебе сказали: привал, – значит, так надо. Радуйся, пока есть возможность отдохнуть, потом такого счастья может и не быть.

Буратино недовольно поджал губы, но ничего не сказал. Он бухнулся прямо на землю, рядом с коллегой. Тот, пока его напарник сердито сопел, открыл чемоданчик, достал оттуда планшет и принялся усердно тыкать в него пальцем. Наверное, решил накропать первую страницу отчёта, пока выдалось свободное время.

Я кивком поблагодарил Бульбаша и сосредоточился на поиске безопасного прохода. Дело в том, что всё поле было буквально заминировано, только вместо противопехотных мин опасность для человека и забредших сюда мутантов представляли «шокеры» – небольшие подземные деструктивы электрической природы. Эта гадость появилась в наших краях не так давно, но уже успела изрядно подпортить кровь бродягам Зоны. Всё, на что эти «мины» были способны, – это разрядить накопленный запас энергии в ногу или тело лежащего на земле человека. Убить, конечно, не убивали, но частичный паралич на несколько неприятных минут был гарантирован.

А теперь представьте, что за вами гонятся мутохряки или стая управляемых альфа-псом «слепышей». Вы бежите к укрытию, откуда планируете отбиться от мутняков, отстреливаетесь на ходу. Вдруг раздаётся громкий электрический треск – это «шокер» выпустил накопленный заряд – и вашу ногу пронзает острая боль. Онемевшая конечность подворачивается, вы падаете, автомат вываливается из ослабевшей руки, а уже через мгновение клыки мутантов вонзаются в парализованную мощным разрядом плоть. Так что «шокеры» тоже вносили свой скромный вклад в естественное сокращение популяции сталкеров, хоть и не таким явным способом, как смертельно опасные ловушки.

Ещё одна сложность заключалась в том, что подземные конденсаторы не определялись ни одним из существующих детектором аномалий. Даже самые продвинутые образцы техники пасовали перед такими вот «минными» полями, показывая свободную от ловушек территорию. Знакомые каждому сталкеру подручные маркеры тоже были здесь бесполезны. Но не всё было так плохо, как могло показаться на первый взгляд. В силу неизвестных пока науке причин земля над «шокерами» вспучивалась, а растущая на ней трава жухла. По таким мёртвым кочкам внимательный сталкер легко мог ориентироваться, и если не спешил, то без проблем преодолевал опасный участок.

Правда, в Зоне халява надолго не задерживается. Последний мощный выброс сделал «шокеры» блуждающими аномалиями, и теперь облюбованные ими поля просто кишели кочками с пожухлой травой. Проходы через подобные препятствия стали сродни игре в русскую рулетку.

Я прикрыл веки, втянул носом воздух, задержал на миг дыхание, медленно выдохнул. Несколько раз повторил упражнение, открыл глаза и постарался расфокусировать зрение (в таком состоянии мне легче было фиксировать взглядом как скрытые, так и явные деструктивы).

– Значит, я уродина, да? – неожиданно прошипела над самым моим ухом Настя. Я вздрогнул, повернулся. Она стояла вся такая колючая, сжав кулачки и втягивая воздух трепещущими ноздрями, на щеках её играл румянец, а в глазах цвета морской волны сверкали молнии. – Хорош, нечего сказать. Вчера забыл о семейном торжестве, а сегодня при всех назвал меня чудовищем!

– С чего ты взяла? – начал я, но Настя шикнула на меня и притопнула ножкой в высоком чёрном шнурованном ботинке.

– С того! Ты назвал меня Несси, словно я какое-то лохнесское чудище!

– Да я не это имел в виду, – громко прошептал я и оглянулся: не подслушивает ли кто наш разговор; ещё не хватало, чтобы «пассажиры» стали невольными свидетелями семейной разборки.

– Вот как?! – Настя сложила руки на груди. – Тогда поведай мне, что ты хотел этим сказать.

– Ничего. Поверь, совсем ничего. Ты же сама знаешь негласное правило: в Зоне никаких имён. Как я должен был тебя им представить? – я кивнул в сторону Косаря и Буратино: первый по-прежнему забавлялся с планшетом, а второй угрюмо разглядывал окованные железом мыски своих коричневых ботинок.

– Не знаю, – буркнула Настя, глядя в сторону. – Как угодно, только не так. Что я – уродина какая-то, в самом деле? Амазонкой бы тогда назвал, что ли, Валькирией, ну или Зеной, наконец.

– Зена – это типа жена по-китайски? – хмыкнул я.

– Да иди ты, – отмахнулась Настя. Она уже перестала сердиться, я видел это по её глазам, но продолжала делать серьёзный вид. – Так и быть, до конца этой экспедиции зови меня Несси, но в другой раз, будь добр, дай мне другое имя, если не хочешь, чтобы я тебя побила. – Она сжала руку в кулачок и недвусмысленно помахала им у меня перед носом.

– Хорошо, Несси, – сказал я самым любезным тоном, отчего Настю аж перекосило, – договорились. А пока дай мне немного времени собраться с

мыслями и найти безопасный проход через поле.

Я снова прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Настя ещё какое-то время постояла рядом со мной, а потом резко развернулась – я слышал, как заскрипела трава под каблуками её ботинок, – и отошла в сторону. Я ещё раз провентилировал лёгкие и сосредоточился на поиске свободных от «шокеров» кочек.

Как раз в тот момент, когда я уже определил половину безопасного маршрута, сзади раздался слегка приглушённый опущенным забралом скрипучий голос Буратино:

– Товарищ Колдун, мы скоро уже пойдём? У нас сроки, понимаете? А вы тут сидите впустую и медитируете.

Я повернулся к непонятливому ассистенту, смерил его хмурым взглядом с ног до головы (отливающее зеленью стекло шлема мешало толком разглядеть выражение лица парня), встал с валуна и медленно двинулся к «пассажиру».

– Послушай, бревно, ты, наверное, думаешь, что я от нечего делать сижу тут и думаю о своей жизни, да?

– Нет, но… – медленно попятился учёный.

Я же продолжил надвигаться на него:

– Видишь вон те жухлые кочки на поле за моей спиной? – Научник кивнул, по-прежнему пятясь. – Под каждой из них может прятаться бьющая током гадость. Хочешь испытать заряд бодрости – валяй, только, если тебя парализует, не надейся, что я или кто-то из моих людей сжалится над тобой и взвалит себе на закорки. Оставим здесь, на съеденье мутам, нам и без твоей неподвижной туши проблем хватает. Так что, если ты не против, я тут ещё немного помедитирую, ладно?

Со стороны холма донёсся приглушённый расстоянием вой «слепышей». Буратино нервно глянул в том направлении, шумно сглотнул и повернулся ко мне:

– Хорошо.

– Вот и договорились. А пока иди лучше глянь, чем там Косарь занимается, потом расскажешь мне.

– Я и сейчас могу сказать. Он…

– Я неясно выразился? Потом – это значит в другое время. Исчезни и не отсвечивай, если не хочешь работать у меня «отмычкой».

Дважды повторять не пришлось. Буратино чуть ли не бегом бросился к напарнику: хоть у него это была и первая ходка в Зону, о том, кто такие «отмычки» и зачем они нужны, он знал прекрасно со слов уже побывавших в экспедициях товарищей.

«Дубина стоеросовая», – подумал я и вернулся к прерванному занятию.

В следующие двадцать минут меня никто не отвлекал, и я смог-таки наметить примерный маршрут перехода через поле. Оставалось надеяться на сообразительность и дословное выполнение моих приказов «пассажирами». Дальше, как бы странно это ни звучало, всё зависело от них, вернее, от их способности почти мгновенно реагировать на изменения ситуации. Ни в себе (точнее, в своём даре определять перемещения подземных деструктивов), ни, тем более, в проверенных временем друзьях и Насте я нисколько не сомневался. От них никаких проблем не ожидалось, в отличие от ассистентов профессора. С этими фруктами я раньше не встречался, но, судя по первым впечатлениям, можно было ждать от них любых фортелей, а это, пожалуй, было страшнее перехода через «минное» поле.

Я встал с покатой вершины валуна, посмотрел на разбившийся по группкам отряд: Гиви с интересом пялился в планшет Косаря, даже рот приоткрыл от удивления, чего за ним раньше не наблюдалось; Бульбаш беседовал с Настей и, судя по её задорному смеху, рассказывал ей что-то весёлое; лишь Буратино сидел в одиночестве, дуясь как мышь на крупу.

– Так! Привал окончен, подошли все сюда! – Я продублировал приказ взмахом руки.

Старая гвардия мгновенно бросила все дела и перебралась ближе ко мне, а вот новички замешкались. С Косарём всё было понятно: он никак не мог запихать в рюкзак планшет. Зато Буратино, по-видимому, решил показать, что он тоже крутой перец, и делал всё нарочито медленно: не спеша встал с земли, размеренно стряхнул затянутыми в перчатки ладонями прилипшие к комбинезону травинки, двинулся так, будто на каждой его ноге висели пудовые гири. «Чудак-человек, – ухмыльнулся я про себя. – Решил, наверное, таким образом взбесить меня. Не выйдет. Хотя… раз он определённо нарывается на неприятности, почему бы не помочь ему?»

Я оскалил зубы в хищной ухмылке и грозно рявкнул:

– Буратино! Шевели быстрее своими ветками, пока я все сучки на них не оборвал!

Учёный пулей порскнул ко мне. Грозный окрик, хоть и не был адресован Косарю, возымел и на него действие: планшет вдруг будто сам по себе нырнул в рюкзак, – так что через несколько секунд весь отряд собрался возле вожака, то есть меня.

Я смерил ассистентов грозным взглядом.

– Ещё раз так припозднитесь, сами будете свои задницы по Зоне таскать. Я подрядился сопровождать вас, а не подтирать вам сопли. Не хотите выполнять мои команды чётко и без задержек – воля ваша. Только винить будете сами себя, когда вас затянет в аномалию или какой-нибудь мутняк попробует вас на зубок. Запомните: здесь никто с вами нянчиться не собирается. Я понятно объясняю?

Научники кивнули, как китайские болванчики.

– Теперь ты, – мой палец нацелился на Косаря. – Играться с планшетом будешь у себя в лаборатории. Чтоб больше я с этой ерундовиной в руках тебя не видел.

– Но мне для поддержания высокого рейтинга в игре необходимо ежедневно сражаться с оппонентами, иначе я вылечу из сотни лучших игроков Европы!

Я думал, у меня глаза на лоб вылезут от удивления, как, впрочем, и у Настёны с Бульбашем. Гиви же делал вид, что ничего такого не случилось. (Ну, разумеется, он же сам пялился в экран, как ненормальный.)

– Ты совсем больной или просто прикидываешься? Тебе что важнее: собственная жизнь или какой-то паршивый рейтинг? Тут Зона, понимаешь? Зона! – Я погрозил указательным пальцем свинцовому небу. – Здесь каждую секунду надо быть начеку, а ты в бирюльки играешься.

Я перевёл взгляд на старого приятеля.

– Ты, Гиви, тоже хорош: уставился в планшет этого недоумка и чуть ли не сопли пузырями пускал от удовольствия.

– Колдун, я… – смущённо начал грузин, потупив взор и покраснев.

– Что – ты? Думаешь, я не видел, с каким щенячьим восторгом в глазах ты заглядывал Косарю через плечо? Опытный сталкер, а ведёшь себя как распоследний салабон. Тьфу, даже смотреть на тебя противно. – Я в сердцах махнул рукой и повернулся ко второму ассистенту: – Ещё раз посмеешь помешать мне, когда я обдумываю маршрут или занят другими серьёзными делами – пеняй на себя. Это последнее предупреждение, больше я с тобой на эту тему разговаривать не буду, швырну маркер по направлению пути – и отправлю тебя следом за ним. Не пойдешь – шмальну пару раз из автомата: первый – предупредительный, под ноги; второй – на поражение, куда попадёт. Последнее касается всех. Кто не хочет слушать меня, автоматически переходит в разряд «отмычек». Всё понятно?

– Да, – нестройно буркнули «пассажиры», а Гиви ограничился кивком.

– Вот и хорошо. С раздачей пистонов закончили, теперь о деле. Когда пойдем через поле, держаться надо всем максимально близко друг к другу, идти строго по моим следам и никуда с тропы не сходить. Мои команды выполнять неукоснительно, в первую очередь это касается новичков. Если «шокеры» до кого-нибудь из вас всё-таки доберутся, за соседей ни в коем случае не хвататься, а то их тоже шибанёт током. Если увидели или услышали, что ваших спутников поразила аномалия – дождитесь окончания разряда и только после этого бросайтесь на помощь. Если вопросов нет, встаём походным порядком – и

вперёд.

Косарь поднял руку.

– Чего тебе?

– А нам обязательно идти через это поле? Нельзя его как-нибудь стороной обойти?

– Можно, если у тебя девять жизней, как у кота. Вон там, справа, в километре отсюда, поле заканчивается, и начинается пустошь с заполненными «ведьминым студнем» лакунами. Пройти по ней так, чтобы не искупаться в ядовитой гадости, практически невозможно. Говорю «практически», потому что находились смельчаки, которые пересекали пустошь без проблем для здоровья. Правда, таких людей – считаные единицы, и уходило у них на переход по два, а то и три дня. У нас есть столько времени в запасе?

Я посмотрел на Косаря. Тот отрицательно помотал головой, на что я удовлетворённо кивнул и продолжил:

– Слева, примерно тоже через километр, идёт участок с запредельным радиационным фоном. Он вытянулся этаким языком в шесть километров длиной и два шириной. Как раз там во время первой аварии осела большая часть радиоактивной пыли из реактора. Думаю, понятно, почему там интенсивность излучения зашкаливает до такой степени, что даже счётчики Гейгера не выдерживают и за считаные минуты выходят из строя. Вряд ли ваш костюм, господин учёный, рассчитан на длительное пребывание в столь агрессивной внешней среде, ведь помимо радиации там тоже полно мощных деструктивов, и быстро пересечь заражённую местность не удастся. Надеюсь, повторно объяснять, почему у нас остаётся только этот практически безопасный вариант, не надо?

Косарь снова помотал головой и сокрушённо вздохнул: дескать, ему всё понятно, и он принимает вызов судьбы-злодейки.

– Ну, раз мы наконец-то пришли к единому мнению относительно маршрута, предлагаю всё-таки двинуться в путь, пока игры в демократию не довели нас до греха. Для особо одарённых повторяю в последний раз: больше объяснять,

почему мы идём той или иной дорогой, я не намерен. В Зоне проводникам верят на слово, а если кто-то во мне сомневается, может идти самостоятельно. Говорят, дуракам и новичкам везёт, так что у вас есть все шансы выполнить задание без моей помощи и вернуться на базу целыми и невредимыми.

Говоря это, я не сводил с Косаря глаз. Мало того, что этот болван решил своими глупыми вопросами подорвать мой авторитет знатока земель отчуждения, так он ещё потащил с собой в Зону планшет с игрушками. «А кстати, как ему здесь удаётся держать связь с Большой землёй? – задумался я. – Выйти в Интернет можно только с серверов в бункерах учёных, а попасть в их сеть со сторонних устройств невозможно. Выходит, не так уж и неприступен файрвол умников, раз Косарь смог связать воедино сети сталкеров и учёных. М-да, оказывается, не той кликухой я его наградил. Вернёмся из ходки, надо будет свести его с Че. То-то великий хакер всея Зоны удивится, ведь ему так и не удалось взломать софт яйцеголовых, а он, уж я об этом знаю наверняка, не раз пытался это сделать».

– Всем выстроиться в цепочку, дистанция один шаг, Бульбаш замыкающий. Двинули. Через полчаса будем в деревне.

## Глава 5. Засада

Вот кто меня за язык тянул? Промолчал бы – глядишь, всё и вышло бы как по писаному, а так только беду накликал. Две трети пути по «минному» полю на самом деле прошли без сучка, без задоринки, если не считать словно сорвавшихся с цепи «шокеров». Стоило нам зайти на их территорию, как аномалии тотчас задвигались, постоянно меняя местоположение. Наши зигзагообразные прыжки по кочкам и между ними напоминали судорожные метания ночных мотыльков вокруг светящейся лампочки.

Не без гордости скажу: мне удалось провести отряд без потерь – пока по нам не ударили сразу с нескольких направлений. Судя по вылетевшим из зарослей бурьяна пылающим ниточкам трассеров, стрелков было шестеро. Они засели в развалинах старого бревенчатого дома на окраине деревни и методично лупили по нам, как в тире, – правда, безбожно мазали. Виной тому была не столько их неспособность к прицельной стрельбе, сколько наши безумные скачки из стороны в сторону, – в сидящего на ветке глухаря легче попасть, чем в бегущего

зайца.

Едва прозвучали первые выстрелы, наш отряд рассыпался, и теперь каждый был предоставлен сам себе. Я ощутил гордость за своих ребят, когда сзади, слева, раздался сухой треск «Абакана» Бульбаша. Чуть позже защёлкал «Вал» Гиви и негромко застрекотал Настёнин «американец». «Молодцы! – отметил я. – Не только успевают прыгать по кочкам и уворачиваться от электрических разрядов, но и пытаются подавить огонь противника. Настоящие профессионалы!»

Я тоже сорвал «калаш» с плеча и, продолжая скакать к краю поля, спустил курок. Автомат дважды плюнул короткими очередями, выбросив сизые облачка сгоревшего пороха. Пули утонули в бурьяне, срубленные ветки крапивы с шуршанием повалились на землю. Раздались тупые удары, и бревенчатая стена старого дома брызнула острыми щепками.

На несколько мгновений огонь неприятеля прекратился, но потом вражеские «калаши» залаяли с удвоенной силой с других позиций.

Продолжая огрызаться свинцом, мы стремительно приближались к свободной от подземных конденсаторов территории. И всё-таки «шокерам» удалось настичь своих жертв. Ими оказались ассистенты профессора (кто бы сомневался!). Когда я одной ногой уже был на безопасной земле, в сухой треск автоматных очередей вклинился грохот электрического разряда. Буратино с криком упал в пожухлую траву в метре от края «минного» поля. Научник ещё дёргался в конвульсиях, а его напарника уже настигла другая вырвавшаяся из-под земли молния.

К счастью, никто из моих друзей не пострадал ни от воздействия аномального электричества, ни от свистящих в воздухе пуль. К тому времени, как Косарь пал жертвой подземного деструктива, я оказался за пределами опасного участка и сразу бросился под прикрытие раскидистой ветлы. Припал плечом к морщинистой коре толстого ствола, нажал на спусковой крючок. Автомат закашлялся длинной очередью, выплёвывая пули и дым.

В то время, пока я опорожнял магазин, противник замешкался. Этих секунд хватило, чтобы Настя и Гиви добрались до кустов орешника, а Бульбаш залёг за сваленными в кучу бетонными блоками. Видимо, незадолго до первой катастрофы здесь хотели построить дом, привезли материал, но заложить фундамент не успели. За прошедшие годы блоки сильно растрескались, из

глубоких щелей торчали пучки желтоватой травы, серые ноздреватые стенки обросли цветными кляксами лишайника и толстыми пятнами мха. Для стройки эти блоки уже не годились, зато прекрасно подходили на роль бруствера.

К тому моменту, как моя команда заняла огневые позиции, я сжёг последний патрон, рывком отстегнул спаренный магазин, перевернул и с громким щелчком вогнал в приёмную горловину. Передёрнул затвор, условным сигналом привлёк внимание напарников и жестами дал понять Бульбашу, чтобы он шмальнул парой гранат из подствольника по заросшим бурьяном развалинам, а Гиви с Настей велел прикрыть меня.

Едва раздался гранатный хлопок и застрекотали автоматы поддержки, я рванул от дерева к брошенному на окраине деревни рыжему бульдозеру. Пригибаясь к шуршащей на ветру траве и постоянно лавируя, быстро добрался до ржавого гусеничного монстра с выбитыми стёклами кабины, присел на колено, прижимаясь плечом к боковине лежащего на земле отвала. Отличная защита, даже бронебойные пули нипочём!

Бульбаш снова пальнул из подствольника. Граната прочертила красивую дугу и через дыру в крыше попала внутрь полуразрушенной избы. Грохнул взрыв. Брёвна развалины заскрипели, как будто дом застонал от боли. На миг автоматы противников замолкли, а потом загромыхали с новой силой, правда, уже не так интенсивно, как раньше. Поскольку пули не щёлкали по железу брошенной техники и не свистели у меня над головой, я понял: мой маневр остался без внимания. Ну и хорошо. Отбиваться от засевших в деревне стрелков можно было до бесконечности, вернее, до тех пор, пока не кончатся патроны, а это не входило в мои планы.

Счётчик Гейгера негромко потрескивал, реагируя на повышенный фон стального гиганта. Я лёг на землю и в просвет между катками просканировал заросли на предмет наличия в них аномалий. По всему выходило, что в деревеньке не было иной опасности, кроме двуногих шакалов.

Дело оставалось за малым: вычислить конкретное местоположение противника, совершить ещё один незаметный маневр и подавить сопротивление. На экране КПК светились только метки моей команды, что подтвердило мысль о бандитах. Эти мрази игнорировали наручные гаджеты, чтобы оставаться невидимками для честных сталкеров. Конечно, любой детектор жизненных форм легко определял мерзавцев как биологические объекты, да только никаких патронов не хватит,

если реагировать огнём на все вибрации прибора, да и всегда оставался риск привлечь ненужное внимание мутняков к своей персоне. ДЖФ ведь всё равно, мутант засел в кустах или человек, аппарат просто предупреждал о наличии жизни в заданном радиусе. Понять на расстоянии, что за опасность поджидает впереди, под силу было разве что легендарным сталкерам да духам Зоны, а первая выпущенная врагом пуля часто бывала и последней, вот и гибли простые бродяги от рук мародёров.

В нашем случае, к счастью, пока обошлось без жертв, но, если бы я и дальше стал тормозить, наверняка пришлось бы отвечать за гибель ассистентов или (ещё того хуже) проверенных временем друзей. Я прикрыл глаза и попытался уловить ментальные волны противников. По всему выходило, что разрывы бульбашевских гранат сделали своё дело: из шести преступников в живых осталось лишь четверо, причём один из них держался из последних сил. Я чувствовал, как жизнь покидает его из пробитой осколками груди вместе с льющейся толчками артериальной кровью.

Я сосредоточился, задержал дыхание и попытался взглянуть на мир сверху. Какое-то время ничего не происходило, но вот перед моим внутренним взором появилась картинка, словно я наблюдал за деревней через камеру квадрокоптера. Серые коробки домов вперемешку с обугленными развалинами тонули в бурых волнах сорняков. Прогнившие крыши провалились внутрь покосившихся от старости срубов, а вырванные с мясом рамы и двери догнивали на земле, пронизанные жёсткими стеблями похожей на ржавую проволоку травы.

На самой окраине деревни, метрах в десяти от поросшего быльём пепелища, в доме на две семьи бандиты устроили форпост. Изба давно лишилась крыши, так что я прекрасно видел всё, что происходит внутри. Равные половины дома отделяла срубленная из толстых брёвен перегородка. Один из отморозков скрючился у стены, его оторванная взрывом голова пялилась остекленевшими глазами в огромную дыру в потолке, другой лежал слева от полуразрушенной печи, неестественно подогнув под себя ногу. Третий, как я и почувствовал секундой ранее, готовился в скором времени отправиться следом за погибшими подельниками. Он сидел посреди большой тёмной лужи, прижавшись спиной к бревенчатой перегородке, которая буквально впитала в себя ливень гранатных осколков, чем и спасла остальных мародёров от неминуемой гибели. Я видел их согнутые фигуры по бокам от окон. Выжившие бандиты по-прежнему огрызались свинцом и даже не думали сдаваться. Видимо, надеялись на скорую победу и

хороший куш.

Это словами долго описывать, а на деле вся процедура заняла не больше пяти секунд. Всё ещё уверенный в своей незаметности для бандюков, я выскользнул из-под прикрытия бульдозера. Низко пригибаясь, скользнул к зарослям бурьяна. Друзья заметили мои передвижения и усилили огонь, отвлекая на себя внимание врага. Я нырнул в вымахавшие с человеческий рост сорняки и, стараясь не шуметь (правда, это удавалось с трудом: сухие стебли с громким треском ломались при каждом прикосновении), двинулся на звук автоматных выстрелов, понемногу забирая влево.

Мой расчёт оправдался: я оказался с обратной стороны дома. Сквозь оконный проём хорошо просматривалась часть комнаты, я разглядел двоих мародёров. Они стояли ко мне спиной и стреляли короткими очередями, прижимая автоматные приклады к плечу. Первоначальный план положить врагов косой очередью слева-направо отпадал по простой причине: я легко мог укокошить этих двоих, но в таком случае третий (его я не видел, зато слышал грохот автомата и различал звон сыплющихся на пол гильз) без проблем нашпиговал бы меня свинцом из соседнего окна. Чтобы взять меня на мушку, бандиту достаточно было сделать шаг назад и в сторону, находясь вне зоны поражения: я просто не успел бы сместить линию прицела.

Оставалось одно. Я вытащил из закреплённого на поясе подсумка осколочную гранату ВОГ-25, сунул в ствол гранатомёта и давил пальцем в наконечник в виде спиленного конуса, пока не услышал щелчок. Потом снял «Костёр» с предохранителя, присел на колено, навёл автомат на оконный проём, целясь в простенок между окнами на противоположной стене, и плавно нажал на спуск. Гранатомёт слегка дёрнулся в моих руках. Через секунду в доме раздался оглушительный взрыв. Из окон брызнула щепа, повалил дым. Не дожидаясь, когда бандиты придут в себя, я рванул к двери и с порога прошёлся по помещению длинной очередью от бедра.

Когда дым немного рассеялся, я понял, что зря сжёг патроны: бандитов разметало взрывом по сторонам. Больше всего досталось тем двоим у окна: их тела лишились некоторых частей и были буквально нашпигованы осколками. Эти отморозки погибли сразу, чего нельзя было сказать о третьем, из-за которого мне пришлось пустить в ход гранату. Тот сидел в углу, зажимая левой рукой рану на животе (при этом мизинец лежал на рукояти засунутого за ремень пистолета), и судорожно хватал ртом воздух. Припорошенный пылью автомат

валялся недалеко от скребущих по полу пальцев бандита. Чумазое от пороховой грязи лицо показалось мне знакомым. Я пригляделся. Это был тот самый тип, что беседовал с Мулом в «Касте». «Интересно, о чём они там договаривались? Неужели обсуждали условия сделки? И во сколько Мул оценил мою жизнь?»

Бандит тоже узнал меня, засучил ногами, словно пытаясь отползти, что-то замычал. Его красная от крови рука потянулась к пистолету.

Держа врага на прицеле, я быстро приблизился, давя щепки подошвами «берцев», откинул ногой «калаш» противника в сторону. Потом наклонился, вытащил из-за пояса бандюка скользкий от крови пистолет и бросил рядом с автоматом.

За спиной раздался торопливый топот и голос Бульбаша:

– Не стреляй, свои!

Я повернулся к нему.

– Все целы?

Сталкер бросил короткое «да!», цепким взглядом осматривая помещение. Когда наши взгляды встретились, он уважительно кивнул и показал большой палец.

– Что с «пассажирами»?

– Порядок. Пока мы тебя прикрывали, Косарь не только сам выбрался, но и помог Буратино. Похоже, тот притянул к себе большую часть «шокеров», так что Косарю не больно-то и досталось. – Белорус покачал головой и цикнул зубом: – Видел бы ты, какие молнии там сверкали. Парни как будто в сияющих коконах оказались. Я, если честно, думал, хана им пришла, а ничего, вполне себе живые ребята. Хорошие у них комбинезоны, я б от такого точно не отказался.

– Ага! И ходил бы, как дурак, весь в рыжем. Нормальные у нас комбезы, надёжные: и от пуль спасут, и от аномалий, если по дурости не подставляться. Ну а в особых случаях арты на помощь придут. Разве не для того мы их в контейнерах на поясе таскаем?

– Так-то оно так, – вздохнул Бульбаш. – Но всё же хочется…

– Перехочется! Хорош демагогию разводить, пошли к нашим, может, им там помочь надо, а ты тут фантазиями всякими занимаешься.

Я закинул ремень автомата на плечо и двинулся к выходу, придерживая «калаш» одной рукой, чтобы тот не стучал по бедру. «Эх, не вовремя Бульбаш появился, – подумал я, – совсем не вовремя. Задержался бы на минутку – глядишь, я бы узнал, сколько Мул заплатил бандиту, а так придётся мучиться неведением, пока судьба не сведёт с бывшим “вольновцем”». Я не хотел устраивать допрос при друге по двум причинам. Во-первых, в глубине души, где-то ооочень глубоко, я сомневался, что Мул способен на такую низость, а во-вторых, если выяснилось бы, что это правда, я хотел сам заплатить ему по счетам. «Бульбаш – парень горячий, примет близко к сердцу и навяжется в помощники, – рассуждал я. – А оно мне надо – подставлять друга под пули? Да и лишние свидетели ни к чему. Ведь если Мул на самом деле решил от меня избавиться, я с ним не буду церемониться и ради такого случая забуду на время о данном некогда обете».

– Ты так его и оставишь? – кивнул Бульбаш на всё ещё живого бандита.

– А ты предлагаешь ему помочь?

– Нет, но… вдруг он выстрелит нам в спину?

– Из чего? – хмыкнул я. – Из пальца? Не говори ерунды. Пошли, хватит время терять.

Я остановился у порога и посмотрел назад. Бульбаш по-прежнему стоял и не сводил глаз с умирающего бандита.

– Если тебе его жалко – добей, но я бы на твоём месте не тратил зря патроны. Он и так уже не жилец: либо сам сдохнет от потери крови, либо мутанты прикончат, – сказал я, вышел на крыльцо и с треском вломился в бурьян.

Бульбаш внял моему совету. Через минуту, ломая сухие стебли сорной травы, мы выбрались из зарослей и побежали к бульдозеру, где нас уже ждали. Настя и Гиви смотрели в нашу сторону, держа оружие наготове. Заметив меня, грузин

помахал рукой, а Настя повесила автомат на плечо и демонстративно отвернулась.

Я увидел ассистентов, когда поравнялся с вросшей гусеницами в землю строительной техникой. Научники сидели на земле, прислонившись спиной к вогнутой поверхности отвала. Как и говорил Бульбаш, больше всего от «шокеров» пострадал Буратино. Шлем бедолаги покрылся паутиной трещин, а комбинезон пестрел тёмными пятнами подпалин и белыми росчерками причудливых разводов. Спецкостюм Косаря тоже потерял товарный вид, но, по сравнению с одеждой напарника, выглядел на порядок лучше и почти сохранил первоначальный цвет.

– Как он? – я кивком показал на Буратино. – Самостоятельно идти может?

– Пока нет. Бульбаш к тебе на подмогу отправился, так мы с Косарём его еле досюда дотащили. Молодец парень, настоящий боец: сам на время охромел, а напарника в беде не бросил.

В голосе Гиви сквозило неподдельное уважение. Гордый и смелый горец больше всего ценил в людях верность, преданность и презрение к смерти. С этого дня Косарь обрёл в его лице надёжного товарища. Я подумал, что если и дальше парень будет проявлять чудеса храбрости и чувство локтя, то недалеко было и до той минуты, когда Гиви торжественно объявит научника своим другом.

– Значит, понесём. Гиви, Бульбаш, хватайте Буратино под руки – и потащили. Несси замыкающая. А ты, Косарь, бери его чемодан и следуй за мной.

Ассистент помотал головой.

– Я в порядке. Мы с Гиви справимся, поставь лучше Бульбаша замыкающим, пусть девушка за тобой идёт.

Настя громко фыркнула, скорчив презрительную гримаску:

– Слышь, ботаник, девушки в городе на танцы бегают, а я боец. Сомневаешься? – Она сжала кулачки и встала в боевую стойку: – Ну так выйдем один на один, узнаешь тогда, что почём.

– Хорош балаган разводить!

Настя, поджав губы, бросила на меня гневный взгляд, потом выпрямилась, отошла в сторону с гордо поднятой головой. «Ох, чую, получу дома на орехи. В лучшем случае опять на диване ночевать придётся, а в худшем…» Я вспомнил последнюю нашу крупную ссору двухлетней давности. Не помню, из-за чего она произошла, но поругались мы тогда знатно, в лучших традициях семейных разборок: с истерикой и битьём посуды.

– Ну-ка, Косарь, пройдись.

Ассистент встал, сделал несколько шагов от бульдозера ко мне и вернулся обратно. Он ещё заметно хромал и подволакивал правую ногу.

– Ну и чё ты героя изображаешь? Себя с трудом на ногах несёшь, а всё туда же. Бери чемодан Буратино и дуй за мной.

Я потопал прочь от бульдозера, держа курс на засыхающую сосну. Дерево постепенно погибало от близкого соседства с крупным «гравиконцентратом». Примятая по кругу трава, переломанные в нескольких местах и вдавленные в землю сухие ветки выдавали присутствие ловушки. Впрочем, я и так видел пульсирующую синими огоньками огромную полусферу, как и сверкающий золотистыми искрами столб «подкидыша» в ста метрах от этого места. Кроме этих деструктивов, в поле зрения попадали ещё две аномалии: отливающий серым вихрь «торнадо», крутящийся рядом с компактной группой низкорослых кустарников, и дальше, как раз между железных вышек ЛЭП, красноватый хобот «птичьей круговерти», всасывающий в себя свинцовые облака.

Сзади послышались неровные шаги Косаря. Потом раздался громкий шорох: Бульбаш и Гиви подхватили частично парализованного Буратино, забросили его руки себе на плечи и потащили. Настя, как обычно, передвигалась, словно ниндзя. Она без лишнего шума буквально скользила над жёсткой травой цвета болотной тины.

Помимо сюрпризов Зоны на заросшей редколесьем холмистой равнине во всех направлениях тянулись овражки и ложбинки разной длины. Из-за них ближние подступы к старому периметру походили на поля давно минувших сражений. Вроде как природа затянула шрамы далёкой войны, но не до конца. Парни ещё

тащили Буратино на себе, так что приходилось корректировать маршрут, когда на пути попадались особо глубокие понижения. Если б не эти естественные преграды, цель нашего пути из неровной серой линии на горизонте давно бы уже превратилась во вполне различимые сторожевые вышки и бетонные колпаки дотов. Кроме того, вблизи от первого периметра часто встречались аккуратные прямоугольники засеянных пшеницей полей. Их мы тоже обходили стороной, хоть я и не чувствовал в них никакой опасности.

История происхождения этих полей довольно-таки интересна. Ходили слухи, что какой-то бизнесмен то ли на спор, то ли ради эксперимента, то ли с целью поправить пошатнувшиеся финансы продал упавшее в цене предприятие, взял крупный кредит, накупил техники и возделал большое поле на границе с Зоной. Урожай превзошёл все ожидания: полторы сотни центнеров с гектара, причём не низкосортного фуража, а отменной продовольственной пшеницы. Зерно по всем параметрам в разы превосходило эталонные сорта. Собранного урожая даже по самым скромным оценкам должно было с лихвой хватить не только на погашение кредита, но и на расширение бизнеса.

Но с продажами не заладилось. Психология, будь она не ладна. Куда бы ни обращался с предложениями о продаже бизнесмен, даже торгуя себе в убыток, везде отвечали отказом. Что говорить о порядочных покупателях, если даже прожжённые мошенники да отъявленные спекулянты не соглашались с ним работать. Боялись люди покупать чернобыльское зерно: а ну как поешь испечённого из него хлебушка и сам начнёшь понемногу мутировать. О Зоне с её ужасами и кошмарными обитателями во всём мире были наслышаны. В Сети и по телевизору постоянно крутили снятые взалкавшими адреналина туристами и сталкерами ролики. (Чаще всего подобной ерундой занимались «отмычки», матёрым ветеранам вроде меня некогда дурью маяться.) Да и военные, особенно из числа молодых срочников, подливали масла в огонь человеческого любопытства кадрами спецопераций вроде облав на мутантов или зачисток брошенных деревень.

Бизнесмен тот в итоге совсем отчаялся, согнал к амбарам с зерном технику, облил её и стены зернохранилищ бензином, да и сжёг всё к нюхачьей матери. А потом ушёл в Зону, чтобы, значит, кредиторы до него не добрались – долги-то возвращать ему было нечем. Ушёл налегке, даже провизии почти не взял. А когда оказался в заброшенной деревне, каким-то чудом по дороге ни в одну аномалию не вляпавшись, надумал старым делом заняться. Завалялось у него в карманах несколько горстей зерна. Взрыхлил он землицу в огородике возле

облюбованного дома, да и высадил. Решил себя так пропитанием обеспечить.

Поговаривают, сам Тёмный Сталкер над ним тогда шефство взял. С тех пор бизнесмен – не то чтобы человек, но и опасностей для сталкеров не представляет, если те его сами не трогают и поля не топчут. Выбросы ему не страшны, ну и мутанты с зомбарями не мешают делом заниматься. А всё потому, что он был единственный, кто пришёл в Зону без оружия, с добрыми намерениями. С тех пор Хлебороб, так сталкеры прозвали того чувака, ходит по Зоне и пшеницу выращивает на прокорм всяким тварям чернобыльским.

Не знаю, правда это или очередная байка, но поля с шелестящими на ветру колосьями, причём далеко от обжитых мест, говорили сами за себя. Может, конечно, это какие-нибудь мутанты или зомби сельским хозяйством баловались, но я что-то не припомню, чтобы кто-то из них был на такое способен. Убивать и разрушать – это да, тут они первые, а вот созидать… Наверное, когда-нибудь эволюционные процессы и выведут эту братию на столь высокий уровень развития, но я твёрдо уверен, что это будет ой как не скоро. Не в этой жизни, как говорится.

## Глава 6. Периметр

Периметр встретил нас тяжёлым дыханием подземелий, шелестом жёсткой листвы ольшаника на обвалившихся склонах защитного рва, свистом запутавшегося в мотках ржавой «колючки» ветра и тонкой завесой водяной пыли, вроде той, что бывает возле водопада. Скопившаяся в небесах влага отыскала-таки бреши в лохматых боках беременных дождём туч. До полноценных осадков дело пока не дошло, но, судя по наползающей с востока низко рокочущей чёрной лавине, в скором времени ожидалось настоящее светопреставление.

– Что скажешь? – Бульбаш ткнул меня в бок и взглядом указал на сверкающий молниями горизонт. – Похоже, заварушка будет та ещё.

– Угу! – кивнул я. – И, если мы не хотим идти обратно промокшими до нитки, надо найти подходящее укрытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

См. роман «Ликвидатор».

---

Купить: https://tellnovel.com/ru/ponomarev_aleksandr/likvidator-temnyy-pul-sar

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить